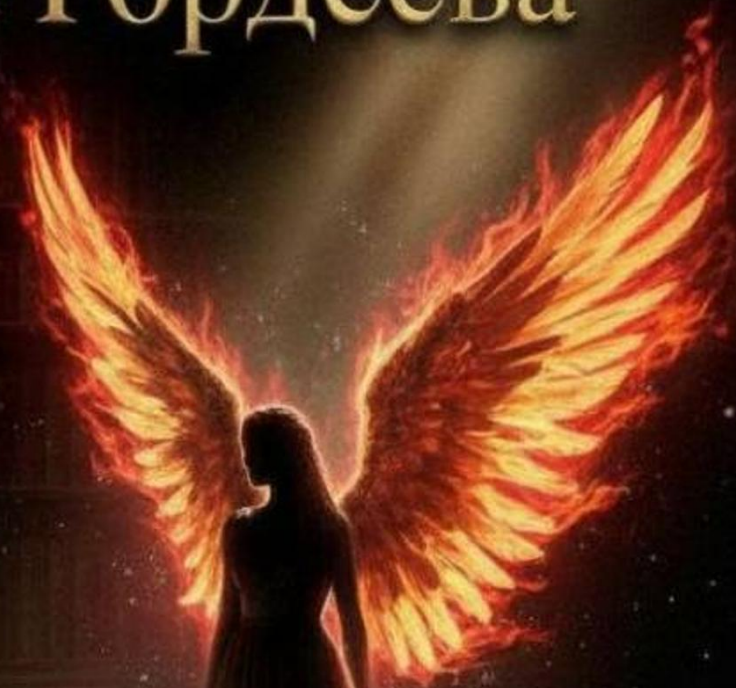

Вероника Гордеева

АТЛАС
АНОМАЛЬНОГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Летопись аномального

Вероника Гордеева

Атлас аномального

«Автор»

2026

Гордеева В.

Атлас аномального / В. Гордеева — «Автор», 2026 — (Летопись аномального)

Искра и Алексей выжили, чтобы начать всё сначала. Но их новая жизнь начинается с кошмара — в её голове. Землеройка — не просто монстр. Это эхо чужой боли, застрявшее в сознании Искры. И пока она учится слышать этот крик и не сойти с ума, Алексей борется с собственной беспомощностью, а ледяной Бризз обнаруживает, что оттаивает — в прямом и переносном смысле — от чувств к Вике. Их личные драмы становятся ключом к расследованию. Чтобы спастись, им нужно не просто найти чудовище, а понять его. Ведь Землеройка — это не атака, это отчаянный крик о помощи «Ядра», последней жертвы, чья судьба станет для команды главным испытанием. Смогут ли они остаться людьми в мире, где проще уничтожить, чем понять? И не станет ли их собственное спасение — новой трагедией?

© Гордеева В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Доброе утро, Королевство	5
Я жив, покуда, я верю в чудо	10
Надо проанализировать...	15
Разбор полетов	19
Броня крепка и танки наши быстры	23
Поговорил бы кто со мной...	27
Ловим инсайт	35
"Японский бог"	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Вероника Гордеева

Атлас аномального

Доброе утро, Королевство

Искра пришла в себя от ощущения легкой прохлады на ссаженной руке. Но первым делом она не открыла глаза и не вскочила, дико озираясь вокруг, как будто ее только что кувалдой ударили. Она прислушалась. «Внутренний монитор» проснулся чуть раньше, чем ее сознание, и она сначала ощутила, а потом услышала. Ощутила – прохладу на ране, а услышала голоса Вики и Спирита Бризза. Они говорили о чем-то своем. Пока что не удавалось разобрать слов. Их голоса перекрывал очень мощный, но какой-то слишком отчаянный крик, и от этого звука пробегали мурашки. От ужаса. Неведомый голос без конца повторял: «ПОМОГИТЕ МНЕ! КУДА ВЫ МЕНЯ ТАЩИТЕ?! ПУСТИТЕ МЕНЯ!!!».

Через несколько секунд, когда это скрежетание прекратилось, Искра открыла глаза. Не резко распахнула, а потихонечку приоткрыла сначала один глаз и скосила взгляд в сторону голоса Бризза, который звучал неожиданно тепло и даже с нежностью. Спирит Бризз переминался с ноги на ногу и общался с Викторией Сергеевной:

– ...она уже не человек, прошу понять этот факт. И она восстановится. Вы и сами видели, на что способна Искра...

Искра решила подать голос:

– И на что я способна, мой дорогой брат?

Спирит Бризз резко обернулся, и его лицо сменило выражение с «когда это прекратится» на выражение «проснулась, наконец?». Бризз мягко скользнул к кровати, где лежала Искра, и заглянул ей в глаза. Искра была рада видеть его ледяной взгляд. Будто бы он и взаправду стал ей именно братом:

– Моя дорогая, как ты? Мы беспокоились за тебя. Ты была недоступна для всех систем почти трое суток...

Искра открыла и второй глаз.

– Так долго... Я – нормально, рука только онемела немного от холода. Как Леша?

Вика тоже подошла и взяла за руку Спирита Бризза. В его взгляде мелькнуло что-то наподобие ревности. Вика же и ответила:

– Алексей Георгиевич в соседнем блоке, сейчас отдыхает. Он был без сознания всего несколько часов. У него перелом ноги, но сложный. Сочетанный. Пока он не может нормально передвигаться.

Искра моментально вскочила с кровати и рада была бы телепортироваться к своему Алексею, но не могла.

Вот прямо-таки сразу объясню кое-что. Искра может телепортироваться туда, где была, или в то место, которое максимально детально представлено в сознании того, кто ее об этом просит. Иначе говоря, ее телепорты – всегда известная конечная точка. А вот, например, Спирит Бризз может перенестись в совершенно случайные места, миры, времена и даже вселенные. Да, именно поэтому еще в самом начале нашей истории Искра говорила про «спасибо, братец». Именно Бризз закинул ее и Алексея на ту неведомую нам с вами планету в Андромеде. Алексея «зацепило» случайно, но все мы знаем, что случайности – не случайны, так ведь. Именно Спирит Бризз водил Искру на прогулки по разным планетам и мирам тогда, до того, как она стала не просто огненной, а пламенно-плазменной.

Быстро сообразив, что не может прямо сейчас материализоваться рядом со своим командиром, Искра многозначительно посмотрела на Бризза. Он был обеспокоен:

– Искра, сестра моя драгоценная, пока что я не могу тебя отпустить. Ты сама еще...

Ресницы сестры стали огоньками свечей, а цвет глаз сменился с изумрудно-зеленых на оранжевый. В голосе появилась сталь:

– Мне нужно к нему. Пожалуйста, отведи.

Вика слегка вжалась в стену от такого контента. Искру еще никто такой не видел. Ни до перерождения, ни после. Спирит Бризз не на шутку испугался, и по его телу пробежала волна колючего страха от взгляда Искры. Но он быстро успокоился и ответил:

– Позже, дорогая. Побереги себя, звездная моя. А за Алексеем мы присматриваем, он в порядке...

Искра раскочегарилась еще сильнее. Настолько, что приборы рядом с ней начали сначала мигать, потом выключились, и пластиковые детали корпусов начали оплавляться:

– Бризз... Отведи меня к нему, иначе...

И тут Искру вновь оглушил этот истошный, нечеловеческий крик о помощи. Она не договорила. Искра просто моментально «остыла» до нормальных значений, глаза ее стали прежними, но в висках эхом отзывался крик кого-то, кого она слышала, но никак не могла понять, откуда этот голос. Она тряхнула головой и шумно выдохнула. Бризз, наблюдая все это, прикоснулся к ее плечу мягко, без давления. Это ощущалось так, будто снежинка упала на плечо:

– Что ты чувствуешь, дорогая? Судя по твоим крыльям – это что-то, что тебя пугает и сбивает. Скажешь?

Искра посмотрела на него с тихим отчаянием, но уже через секунду ее взгляд вновь наполнился решимостью:

– Потом. Сначала отведи меня к Алексею, прошу тебя.

Спирит Бризз тяжело вздохнул и изобразил на лице Сызрань. Не так, чтобы противно, а так, чтобы показать все свое недоумение и усталость. К Искре подошла Виктория Сергеевна и заглянула аномалии в глаза:

– Искра, ты сейчас сама не стабильна. И еще не совсем восстановилась. С Алексеем Романовым все хорошо, сейчас он... – Вика вывела на планшет видео, где отображалась палата Алексея, и развернула экран к девушке. – Видишь, он сейчас спит. У него хоть и тяжелый перелом, но это не смертельно, и ему сейчас просто нужно время, чтобы он тоже пришел в себя... Искра, ты слышишь?

Искра ее слышала, конечно. Она услышала бы и шепот на расстоянии в несколько десятков метров. Но когда Виктория Сергеевна развернула к ней экран планшета, где был виден мирно сопящий в две дырки Алексей, она просто уставилась в эту картинку своими огромными темно-зелеными глазами. Смотрела, не отрывая взгляда и почти не мигая, словно пыталась загипнотизировать планшет.

Пусть меня поглотит солнечный ветер, если то, что творилось внутри Искры, нельзя назвать пресловутой любовью. В душе нашей с вами плазменно-пламенной космодивы творился форменный бардак: ядерная смесь из радости (что увидела своего командира живым), волнения (как он?!), смятения (не разочарован ли во мне как в бойце?) и жгучего желания телепортироваться к нему прямо сейчас.

И эта вся спектрограмма проявлялась внешне: Искра выглядела как живой манекен, застыв в одной позе, не отводя взгляда от планшета. Ссаженная кожа на руке, покрытая инеем от нашего ледяного бога, начала стремительно затягиваться, а крылья стали похожи на фото далекого космоса. Линии лент северного сияния стали ярче, а на всей площади крыльев резвился звездный ветер, рисуя фиолетовые линии и оставляя за собой шлейфы из голубых и красных ярких всполохов.

И тут в сознание Искры снова ворвался этот странный, раздирающий своей абстрактной болью крик о помощи. Искру буквально оглушило, да так, что зрение ненадолго «выключилось», а сама она вполне закономерно зажмурилась и отшатнулась от Вики, которая сидела

рядом. Бризз и Вика отреагировали моментально: Вика уложила Искру обратно в кровать, Бризз бережно взял ее руку и зажал ее ладонь между своими ладонями. И сам чуть в стену не отлетел. Нет, он немного не долетел до стены, и поэтому траектория полета закончилась в передвижном органайзере, об который Бризз хорошо так споткнулся. Но удержал равновесие, а вот органайзер не стал терпеть такого к себе отношения и рассыпал кучу медицинских инструментов по полу. Инструменты разлетелись, весело поблескивая чистотой и позвякивая.

Виктория Сергеевна мягко подошла к Спириту Бриззу и осторожно тронула его за локоть, от чего тот вздрогнул и убрал руки от головы. Кивком он дал Вике понять, что с ним все хорошо, а сам при этом смотрел на Искру с некоторым то ли ужасом, то ли с непониманием, то ли со страхом. Но в его взгляде явно читался вопрос: «Что это было?!»

Искра увидела этот взгляд и отвернулась. И тут терпение Виктории Сергеевны лопнуло. Она не стала орать, размахивать руками, трясти Искру или Бризза за шкуру со скальпелем у сонной артерии и требовать объяснений. Нет. Она просто встала, выпрямилась, глубоко вдохнула и произнесла очень тихо, но чеканя каждое слово:

– Товарищи аномалии, немедленно объясните, что происходит. Иначе я вас обоих не выпущу и запру здесь до тех пор, пока все не скажете под протокол. Ясно?

Искра и Бризз посмотрели на нее с некоторым сожалением и снисходительностью. Бризз посмотрел на Викторию Сергеевну, и его взгляд смягчился, стал теплее:

– Прошу прощения, моя госпожа, что невольно стали зрительницей сего глупого спектакля. Я не удержался на ногах, ибо меня отбросило мощной звуковой волной, которая заиклена в сознании нашей болезной. Это слышит, очевидно, только сама Искра, и это – ее еще одно ранение, помимо физических. Больше не знаю. Сам с нетерпением жду ответа от своей огнекрылой сестрицы. И да, Виктория, мой лунный свет, обещание запереть нас с Искрой в этом помещении – пустая трата времени. Напоминаю, что мы с сестрой обладаем даром телепортации...

Искра села на кровати и встряхнула крыльями. Посыпались мелкие белые крупинки, как снег, но они не растаяли, а просто исчезли. И она заговорила:

– Приношу и свои извинения за инцидент. Я не знала, что его может так отбросить голос. Я слышу крик о помощи. Но он только напоминает человеческий крик, вопль молодой женщины... Но в нем есть еще какие-то отголоски, они не совсем человеческие. Крик этот очень громкий, он глушит, и я не могу полностью идентифицировать эмоциональный спектр и источник остальных звуков. То, что мне удалось понять – это голос девушки двадцати – двадцати трех лет. Она не просто напугана, а ей еще и очень больно, будто ее пытаются каленым железом. Еще точно есть звуки скрежета металла о металл, частично ржавые детали, достаточно большие. Еще слышу какие-то другие голоса. Но вот их источники понять я не могу. Это точно не люди и точно не животные, это что-то среднее между ними... И, как мне кажется, это голос твари, название которой Землеройка. Она напала на нас с Алексеем. Хоть я ее и слышала, защититься толком не смогла – эта штука хорошо сопротивляется. Я ее сильно обожгла. Но тут же она меня умудрилась заблокировать чем-то, похожим на клешню из металла, и отбросила в сторону, как тряпку. Я ударилась рукой об стену, отсюда и ссадина. Когда она подобралась к Леше – я толком не помню, что я начала делать... Я очень испугалась за него. Помню, что он отстреливался – но пули от нее рикошетят... Хорошо, хоть про телепорт вспомнила, иначе стали бы ее запчастями.

Вика, если честно, мало что поняла. Соединить все, что она услышала, в единую картинку не особо получалось. А если и получалось, то от этого возникали мощные рвотные позывы и чувство неконтролируемого, животного страха. А вот Спирит Бризз, кажется, что-то понял. Он подошел к Искре и обнял ее. Просто, без спецэффектов. По-человечески. Как брат. Он пару раз провел рукой по ее искрящимся волосам и уперся подбородком ей в макушку. Искра, однако, не спешила с ответом. Для нее такая реакция была равносильна тому, что Алексей выступает

клоуном в цирке. Бризз НИКОГДА так не делал. Он прикасался к ней – к руке или к крылу, но всегда одергивал руку, словно от огня, и держался на расстоянии вытянутой руки. Но Искра закрыла глаза и обняла Бризза в ответ. Одной рукой. Не как девушка или даже сестра, а как боец напарника, которому крепко досталось от очередной жути из темного уголка сознания.

Бризз разомкнул руки и отодвинулся от Искры. Она смотрела на него с нескрываемым удивлением и улыбалась одними уголками губ. Бризз начал говорить:

– Моя дорогая, я за тебя очень боюсь. Я не хочу тебя потерять. Снова. Ты подверглась воздействию чудовищной силы, которая сопоставима с твоей собственной. Как ты только можешь выдерживать такое воздействие – это потрясающе. Но должен признать, что твой характер гладиатора тебе помогает. Прости, что не уберег. Опять...

Искра заулыбалась еще шире:

– Ты не обязан меня охранять или защищать, Бризз. Я сама выбрала эту дорогу. И ты дал мне эту силу. Я благодарна тебе. Но не кори себя, брат. Я справлюсь.

Бризз только вздохнул, но Искра продолжила, уже обращаясь к Виктории:

– Виктория Сергеевна, а могли бы Вы оставить нас наедине? Разговор очень личный.

Вика без колебаний согласилась и вышла из палаты, закрыв за собой дверь. Искра скосила глаза на замок двери, и он послушно щелкнул. Бризз без намеков нажал пару кнопок где-то в щитке на стене комнаты – камеры наблюдения не отключались, а вот прослушку выключать можно было. Больничная палата – мало ли, что можно услышать... Искра кивнула, когда Бризз снова подошел к ней и опустился на колени, готовый слушать. И она заговорила:

– Ты изменился. Кардинально. Я услышала твой пульс и твое дыхание – они неровные. И ты... стал ошутимее, не такой ледяной холод. Вика, верно?

Бризз как-то виновато опустил голову и ответил очень тихо, почти шепотом:

– Да, она. Искра, дорогая, я уже не совсем ледяной. И меня это настораживает. А за тебя сейчас я испугался, правда, испугался. Ничуть не меньше, чем тогда, когда я тебя почти потерял. И прошу, только не гони меня прочь за эти мои слова – я всегда буду рядом. Если ты погибнешь, то и я уйду вслед за тобой. Это не логично, это очень неправильно, но я не имею права поступить иначе. А насчет Виктории... Я пока сам не нашел способа, как это прекратить. Мне и больно и хорошо одновременно. Я очень хочу быть рядом с ней, как собачонка...

Искра приложила палец к его губам и наклонилась так, чтобы их лица находились на расстоянии нескольких сантиметров друг от друга. И произнесла с улыбкой:

– Неужели Спирит Бризз влюбился? Доброе утро, проходите, присаживайтесь, будь как дома, путник. Не сопротивляйся. Она – хорошая девушка, честная и открытая. Ты начал улыбаться, ты изменился, да, но ты не стал от этого хуже. Ты все еще владеешь очень красивой магией льда и снега, тебе подвластны все льды, сама северная пурга становится легким ветерком по мановению твоей аристократичной руки... То, что с тобой происходит – наверное, так и должно было быть. Улыбнись, Спирит Бризз. У тебя прекрасная улыбка.

Бризз посмотрел на Искру своим фирменным, пронизывающе-ледяным взглядом. Искра своих глаз не отвела. Совсем наоборот: она тоже посмотрела на него так, как обычно делала, чтобы не просто прочесть мысли, а чтобы увидеть то, что человек себе представляет. И хоть она не могла даже близко подобраться к его мыслям и не могла ничего увидеть, Искра внимательно пригляделась к его глазам. Цвета льда, как и прежде. Но теперь в этих глазах появился целый мир, а не только холодный блеск, как у стального клинка. Искра увидела невероятно красивый и глубокий взгляд, которого раньше точно не было. Она много раз заглядывала в эти глаза и видела только вселенскую грусть и тяжесть множества миров, которые Бризз посещал. Он везде мог видеть либо только научный интерес, либо только несовершенства. Но сейчас в его взгляде было еще что-то. То, что прекрасно знакомо всем людям. Отзывчивость. Доверие. Тепло. Будто и правда смотришь в глаза родного брата, которого никогда не было у нашей героини. На нее не действовали эти ледяные иглы, он и сам не мог смотреть на нее с презрением дольше секунды.

Искра выпрямилась и продолжила говорить:

– Еще раз повторю, Бризз: тебе не надо бояться того, что с тобой происходит. Я и ее тоже слышу, она никуда не ушла, стоит под дверью и заполняет отчет о моем состоянии. Она к тебе тоже равнодушна. Ты ей тоже приглянулся. Вероятно, своими дворянскими манерами, но это – не единственное, что ей нравится. Ей нравишься ты сам, какой есть. И да... Прости, что причинила боль. Снова.

Бризз молчал. Да, Искра снова умудрилась ранить его, не физически – ментально. Он на своей шкуре ощутил этот крик, и он не знал, как избавиться от этого кошмара Искру. И это его весьма удручало, если мягко сказать.

Искра, тем временем, снова немного глохла от этого жуткого голоса, но на этот раз вспышка была совсем короткой. Она вдохнула, потеряла переносицу и легла в кровать.

Спирит Бризз снова включил прослушивание и открыл дверь, чтобы выйти из палаты. Обида и растерянность полосовали когтями его душу, и это было больно. Но как только он встретился взглядом с Викторией Сергеевной, эта боль немного отступила, предоставив место песне его оттаивающего сердца.

Я жив, покуда, я верю в чудо

Алексей очнулся резко, будто бы его выдернули из сна. Открыв глаза, он обнаружил себя в палате, с гипсом на правой ноге и повязкой на левой руке. Чувствовал он себя не очень хорошо – кружилась голова, немного мутило и очень хотелось пить. Он медленно приподнял голову и огляделся так, чтобы черепушка не «уехала» от него куда подальше. Голова не просто кружилась: перед глазами все вращалось и перемещалось по совершенно диким и невообразимым траекториям. И лампа эта, которая так противно светит... Глазам больно.

Тут Алексей на секунду «подвис». Он, почему-то, не совсем понимал, как он тут оказался. Он помнил, как они поехали на задание в НИИ-317, помнил, как они туда вошли, как ходили по темным помещениям, то и дело наступая на осколки стекла, разбитые пробирки и колбы... Они...

Алексея пронзило миллионом горячих стрел. Искра! Где она, что с ней?! Что случилось?! Как он сам тут оказался? Стоп, думай, командир, думай. Но, казалось, мысли обрели вес в полторы тонны и бродили в голове тяжело, каждый раз спотыкаясь о виски и падая на полпути. Голова болела очень сильно.

Дверь палаты открылась, и в помещение вплыла медсестра. Она увидела, что товарищ Романов уже проснулся и пытается понять, где он и что вообще происходит. Она было подошла к нему, успела даже поздороваться. Алексей посмотрел на бедную девушку так, будто бы она была не медицинским работником, а палачом экстра-класса. Она спросила у него про состояние, он ответил ей сквозь зубы, но честно. Она сказала, что сейчас посоветуется с врачом и придет. Не успела хрупкая мадемуазель выйти, ее чуть не сбил с ног товарищ Громыко. Он залетел в палату и сразу бухнулся на кровать к Алексею, но умудрился не задеть его своей массивной фигурой. Руслан широко улыбнулся и начал вещать:

– Леха, здорово, черт! Очнулся, чертяка! Слышь, ты заебал уже со своими травмами. То ребра сломаешь, то вон ногу... Нам тебя как конструктор собирать, а?! Эй, Лех, ты чего, ты вообще как?

Леха смотрел на товарища как баран на новые ворота. И боднуть хотелось, но голова не позволяла. Пришлось отвечать словами. Говорить тоже было тяжело:

– Прорвемся, бывало и хуже... Руслан. Где Искра, она жива?

Руслан цокнул языком:

– Да че с ней станется-то? Не кипятись, ты ж не чайник. Живая, но пока не совсем разговорчивая твоя госпожа Фортуна. Оклемается, не ссы... Ты сам как?

Алексей с третьего раза понял, что толком не знает, что с ним. Больно. Но что именно с ним – он не совсем понимал. Руслан оперативно считал этот молчаливый ответ и поспешил объяснить ситуацию:

– Сотряс у тебя. Поэтому пока не отдупляешь и пешки тарачишь, как сова. Так... Сотряс средний. Что у нас тут еще... Погоди, я сейчас.

Руслан Геннадьевич быстро сгонял к медикам, и они ему объяснили, что с его другом. Он прибежал обратно в палату и сел на кровать к Алексею, бесцеремонно отодвинув его целую ногу:

– Докладываю. Про сотряс я сказал, да? Понял, не дурак. Дурак бы не понял. Нога у тебя сильно поломана: двухлодыжечный перелом и перелом пяточной кости на правой ноге, глубокая рваная рана на левой руке. Ну, в гипс тебя быстро упаковали, рану оперативно заштопали. Сотряс – ну, на голову гипс тут не поможет. Но, если хочешь – заказывай, я людей знаю, договоримся... Да тихо ты, товарищ командир, не ерепенься. Неделю точно лежать будешь. Скорее всего, даже две, но ничего, мы с Викторией за тобой внимательно будем следить, чтоб не сбежал. Так что вот так, друг.

Алексей понял только то, что у него сильно и сложно сломана нога, порвана рука и сотрясение. Поэтому голова так болит. Но про Искру Руслан сказал, что она – жива. После этого отпустило немного. Жива... Слава богу.

И тут же Алексея накрыло снова. И как к ней теперь вернуться? Где она? И зачем она калека? Последняя мысль особенно сильно наступила на висок, и на глаза командира невольно навернулись слезы. Конечно. Руслан это заметил, естественно, молчать он не стал:

– Не ссы в компот – там повар ноги моет. Ты чего?

Алексей ответил, но слова выходили из него с большим трудом:

– И зачем я ей теперь нужен?

Настала очередь Руслана смотреть на товарища как на говорящую табуретку:

– В который раз понимаю, насколько твоя зазнаба права. Выйдешь – сам у нее спросишь, вместо «здрасьте, дорогая». Вот прямо в лоб спросишь: нахуй я тебе, с поломанной ногой и не местами помятой головой? Идиот ты... Твоя Искра – не человек. Ой, debil... Сам спросишь, ладно? Но она пока в отключке, так что пока подожди.

Алексей тихо рыкнул. Искра в отключке. В голове не укладывается... Он сглотнул ком в горле и спросил:

– Давно она в ауте?

Товарищ Громыко пощелкал пальцами, подсчитывая:

– Так, ну... Чтоб не спиздеть... Вчера, что ли... А, да, точно, вчера вас только брякнули обоих в больничку. А что?

Романов нахмурил брови, пытаясь вспомнить, что же произошло. Но память ему отказывала. Как будто этот фрагмент вырезали при монтаже. Руслан снова все понял без слов, глядя на товарища:

– Лех, ты, скорее всего, не помнишь, что произошло. Вы с почетом брякнулись под ноги Добровольскому и оба сразу отключились. А появились прямо из воздуха, оба в кровище, как будто вас пожевали и выbleвали обратно. Вас быстренько отправили в медблок. Добровольский отдал приказ вас вести в приоритетном порядке. Как-то так... Вспомнил?

Нет, Алексей этого не помнил. Он начал уходить в себя. Постепенно до него начало доходить, что он не сможет вернуться как боевая единица. Не сможет защитить Искру. Тем более что в этом сраном НИИ-317 произошло что-то, откуда его на своих космических крыльях унесла Искра. Снова она его вытащила... Не он ее, а она. Защитник, ага.

Руслан, видя, что товарищ как-то еще больше погрустнел, тихо сказал:

– Лех, я не смогу тебя понять вот прям полностью. Но ты пойми, что ты не только жив, но и не стал кочаном капусты на овощебазе. Переломы непростые, но ходить сможешь. Это я тебе говорю как старший исследователь – старшему исследователю. Соображаешь, хоть и туго.

Руслан еще раз посмотрел на товарища, вздохнул и тихо вышел из палаты.

Алексей уставился в потолок, который продолжал покачиваться. Товарищ Романов отвернулся лицом к стене. И наконец окончательно ушел в себя.

Нет, мысли не сбросили даже пары килограммов и оставались тяжелыми. Но они не желали уходить из больной головы.

Он боялся. Не за себя, а за реакцию Искры на его состояние. Что, если она отвернется от него? А что, если она не просто в отключке, а опять «сгорела»? Она сама вернется? Откроет ли глаза снова? Вспомнит ли его? Хорошо, вспомнит. Может, она его проклянет позаковыристей за то, что позволил ей поехать в этот институт, за то, что спокойно мог взять с собой на это задание десятерых крепких ребят, а взял только ее одну. Что она скажет, после того как очнется?

Что она скажет, когда увидит его в таком виде? Господи, нет, не надо...

Алексей подавил в себе желание зарыдать в подушку. Нельзя, что он, мальчик, что ли? Нет. Он – взрослый мужчина, командир отряда специального назначения СКЗ-фонда. Да уж,

командир... Командир, который чуть не потерял своего самого мощного бойца. Мало того что Искра – боец, так и...

Алексей уперся в стену кулаком здоровой руки. Уперся до боли в костяшках, вдавив кулак в стену с такой силой, что чуть не отодвинул кровать от стены. А кровать-то, хоть и на колесиках, но довольно тяжелая – сдвинул.

Он убрал кулак от стены и разжал ладонь. На ней остались красные отметины от ногтей.

Итак, на чем мы остановились? Так кто для него Искра? Да скажи уже себе это, дурак, кого боишься?! Ей говорил, признавался, так признайся же теперь сам себе, что она – любимая! И пропади оно все пропадом: Фонд, работа, отряд, сам пропади, но не дай ей уйти! Хоть что-нибудь делай!

Что делать? А что делать – восстанавливаться. Хочешь быть рядом – будь. Тебя, придурка военизированного, пока еще никто никуда не прогнал, так ведь? Так, и не спорь. Встань для начала, а потом уже иди и спрашивай, разговаривай. И вот уже потом, исходя из того, как эта звезда в теле женщины себя поведет, выстраивай план. Мужик же, не мальчик.

Соберись, тряпка... Не время раскисать. Хотя бы для того, чтобы хоть как-то быть рядом. Она пока вообще где-то, но не здесь. Ну, физически Искра – рядом, в палате, а вот сознанием...

«Искра... Искра! Где ты?»

Нет ответа. Видимо, правда в ауте, причем в глубоком.

Алексей провел целой и подвижной рукой по волосам и нащупал справа, над ухом, совершенно гладкую прядь волос. Ту, которая окрасилась в темно-красный цвет, когда Искра принесла «Морфея».

Значит ли это, что они еще связаны? Столько вопросов и ни одного ответа, как и всегда. Нет, а чего ты хочешь? Лежи, лечись – вот и вся задача тебе на ближайшее время.

В палату кто-то вошел, прервав поток мыслей нашего с вами командира. Он осторожно повернул голову и увидел Викторину Сергеевну. Она подошла к командиру и тихонько поинтересовалась, как тот себя чувствует. Алексей улыбнулся через силу:

– Здравствуйте, Виктория Сергеевна. Ну, пока что я не в строю. Как Искра? Вы знаете?

Виктория Сергеевна мягко улыбнулась:

– Она пока спит, очень глубокий сон, но не в коме. Ей занимается товарищ Спирит Бризз. Не беспокойтесь. Голова сильно болит?

– Неприятно, но сейчас уже терпимо. Спасибо, что ответили.

Вика склонила голову набок, как птица:

– Вам обоим нужно отдохнуть. Товарищ Громыко уже подходил?

Алексей утвердительно угукнул. Вика продолжила:

– Отлично. К Вам собирается комиссия, нужно расследование. На теле Искры были обнаружены следы чужеродной ДНК, Бризз пока не приступал к исследованию и анализу. Подскажите, пожалуйста, Вы хоть что-нибудь помните?

Алексей честно попытался вспомнить хоть что-то. Но нет – память упорно отказывалась с ним сотрудничать. Он не помнил решительно ничего, кроме того, что на них кто-то напал и, видимо, эта гадость их неплохо так потрепала. Алексей ответил:

– Нет, у меня словно этот кусок вырезан. Я правда не помню. На нас напали, но что было дальше – стреляйте, не помню ничего. Простите, Виктория Сергеевна.

Вика утвердительно качнула головой:

– Это ожидаемо. Ничего страшного. Отдыхайте, Алексей Георгиевич, Вам лучше всего будет поспать.

И Вика покинула палату. Через несколько минут в палату снова Руслан:

– Лех, тут к тебе комиссия намылилась, расследование расследовать... Еще не приходили?

Наш командир осторожно помотал головой, показывая, что нет, с расследованием к нему пока не приходили. Руслан подкатил к его кровати стул, который сиротливо стоял в углу, и бухнулся в него:

– Короче, мне похуй. Какие, нахрен, расследования, ты еще не соображаешь! И не помнишь ни хрена... Или тебе охота со следаками поговорить, а, Леш?

Алексею не хотелось ни с кем разговаривать. Каждое слово ему давалось с трудом. Какие, к лешему, допросы? Поэтому Алексей согласился с тем, чтобы Руслан оставался в палате. Может, еще чего скажет интересного...

Но товарищ Громыко пока молчал. Просто сидел и крутился на стуле, будто бы ему было не тридцать пять лет, а всего лишь пять. Такой удивительно-беззаботный, что Алексей смог улыбнуться без боли, глядя на друга.

Спустя некоторое время в дверь палаты вошли несколько людей. Без стука, без предупреждения. Двое мужчин и одна женщина. Все в штатском. Явно пришли вопросы спрашивать каверзные.

Товарищ Громыко и Алексей без подготовки, четко и слаженно начали представление.

Алексей лег на спину и начал изображать «умирающего лебедя». Достаточно достоверно, стоит сказать. Слюни пустил, с пузырями. Как полагается, захрипел и начал немного дергаться. Руслан, как настоящий друг, товарищ и немного панк, встал у его кровати, гладил по голове и по-отечески, чтобы проняло, начал приговаривать:

– Леша, Леха, ты тихо, ну, ну, что ж как... Ну пи-пи уже делали, сейчас чего тебе? А? Внятнее можешь? Нет, не можешь? Плохо... Может, пить надо? А? Пить! Конечно, пить.. я б тоже сейчас выпил, и не чаю... Рано пить. Врач сказал, что пока нельзя тебе. А то блевотиной захлебнешься... Тише, родной, мы тебя вытащим... Ох, они...

Глаза присутствующих надо было видеть. Простите, мои дорогие читатели, но у меня столько слов нет, чтобы описать выражения их лиц. Смесь шока, разочарования, досады и растерянности. Они молча наблюдали, как здоровенный товарищ Громыко, старший исследователь, стоит и вот с такими словами бережно гладит голову другому здоровенному мужику, который пускает слюни пузырями, хрипит, причмокивает и дергается хаотично.

Как только Руслан повернул свою голову в сторону незваных гостей в штатском, он моментально превратился из «заботливого друга» в «свирепого медведя». Боженька. Родители и работа с бурной походной молодостью обеспечили Руслану громогласную голосину, которой он воспользовался, попросту выдавливая звуковой волной комиссию.

Каких только слов, эпитетов, гипербол, сравнений и прочих литературных определений в неприличном выражении не прозвучало в их адрес... Да там на учебник по русской матерщинной речи можно было записывать, сразу в аудиоформате. Общий смысл всех этих слов, фраз, междометий и предложений сводился к тому, что на данный момент пациент скорее мертв, чем жив. Приносим свои извинения. Зайдите позже, уважаемые.

Комиссия ушла. Да там половина медблока разбежалась – Руслан постарался, все подумали, что у исследователей опять аномалия из лаборатории сбежала и поспешили ее ловить, вот и кинулись все со своих рабочих мест куда глаза глядят.

Когда товарищ старший исследователь вернулся в палату Алексея, и когда друзья посмотрели друг на друга – они рассмеялись. Несмотря на весь абсурд – это было и вправду очень смешно. И именно то, что сейчас нужно.

Пострадать всегда успеем. Лучше же улыбнуться в лицо любым невзгодам, даже когда при смерти. Тяжело, но реально.

Алексею вскоре после всего этого безумно сильно захотелось спать. Они с товарищем Громыко сотворили маленькое чудо – им удалось «сдвинуть» этот бронепоезд системы, дав посильный отпор. А другое чудо было в том, что они с Искрой – выжили. Они оба живы. И пока он, Алексей, верит в чудо (лично для него чудом будет тот факт, что Искра с ним

просто поговорит), он продолжает жить, а не существовать. А это значит, что история только начинается...

Надо проанализировать...

Руслан просматривал результаты анализов крови Искры и заметил, что есть строка «данные не идентифицированы». И внизу стоял штамп: «направить на дальнейшее исследование в лабораторию по изучению аномалий».

Руслан хмыкнул, скомкал распечатку и тут же разгладил её на столе, как бы извиняясь за то, что смял. «Не идентифицированы» в базе СКЗ-фонда – это было всё равно что найти в кармане брелок из 90-х: прикольно, красиво, но зачем? Не понятно.

Руслан смотрел на это около часа и пытался сообразить, что к чему и от чего, для чего и зачем это всё нужно. Через час психанул и понял, что ему лично мозгов не хватает. Соответственно, нужны были еще мозги. Желательно не человеческие. И товарищ Громыко пошел искать Спирита Бризза.

Ледяного элементария он застал в его любимой крио-лаборатории, где тот вглядывался в голограмму какой-то молекулы, будто это была фотография в журнале для взрослых. Руслан бесцеремонно шлёпнул папку на стол, прямо Бриззу под нос:

– Снежок, глянь на эту хрень. Проверяли кровь Искры – нашли стремные гостинцы.

Бризз медленно оторвал взгляд от голограммы. Взял лист, пробежался глазами. Его брови, обычно застывшие в одном невозмутимом положении, дрогнули.

– «Не идентифицированы»... – произнёс он задумчиво. – Это значит, их нет в общей базе Фонда. И в моей личной тоже.

– Ты засунул свою базу в базу СКЗ? – Руслан наклонился. – Если я еще не все мозги пропил, то ты, вроде, кого с кем только не скрещивал и чего и кого только не создавал, да?

– Именно. – Бризз отложил лист и провёл рукой по сенсорной панели, открывая свои архивы. Ряды файлов с леденящими названиями замелькали перед ним. – Вот мои записи по антропоморфным трансформациям. Вот – по обратным процессам. Вот – гибриды. – Он несколько раз ткнул в панель, загружая данные в анализатор. – Система будет искать даже частичное совпадение по маркерам.

На экране пошли проценты сравнения: «5%... 2%... 7%... 0.3%...»

– Видите, коллега? – Бризз указал на цифры. – Это не просто неизвестный вид. Это... нестыковка. Как если бы Вы собрали все кусочки мозаики, а несколько деталей были от другой картины. И не просто другой – они нарисованы в иной проекции, красками, которых не существует.

– То есть это... – Руслан впился взглядом в строку «не идентифицированы», будто хотел её испепелить.

– Это значит, коллега, – холодно заключил Бризз, выключая терминал, – что в Искру попала материя, которая не подчиняется известным нам биологическим законам. Или подчиняется, но законам настолько чуждым, что приборы читают их как «фон». Анализ выделил сигнал, но не может его классифицировать. Равносильно тому, как если бы слепой от рождения возомнил себя художником.

Бризз повернулся к Руслану, и в его ледяных глазах вспыхнул тот самый опасный, дьявольский огонёк исследователя, нашедшего что-то стоящее.

– Нам нужно не просто дальнейшее исследование. Нам нужно понять базовые принципы. По какой логике собраны эти цепочки? Что они кодируют, если вообще кодируют что-то? Это может быть ключом... или болезнью. Которой мы еще не знаем.

Бризз повернулся к терминалу, его пальцы замерли над клавиатурой.

– Если базы молчат, придётся лезть в сырые данные. Посмотреть на сами последовательности.

Он открыл на экране расшифровку тех самых «неидентифицированных» образцов. Сначала молчал, лишь его глаза сузились. Потом сказал тихо, почти для себя:

– Так... Такого не бывает...

Руслан, который уже начал ёрзать, сделал стойку:

– Что углядел?

Бриzz молчал. Он листал один файл за другим, увеличивая фрагменты, заставляя систему пересчитывать базовые пары. Его лицо, обычно бесстрастное, отражало смесь острого интереса и... недоумения.

– Это не ошибка аппаратуры, – наконец произнёс он. – И не мутация. Это... системное нарушение. Смотри.

Он вывел на общий экран несколько строк, похожих на безумный и очень странный стишок из букв А, Т, G, С и чего-то ещё.

– Здесь, в образце номер один – шесть различных нуклеотидных оснований. – Он ткнул длинным тонким пальцем в строку, где привычная четверка разбавлялась двумя незнакомыми символами. – В природе Земли такого нет. Это либо искусственный синтез, либо неземное происхождение.

– Во втором – всего два. А и Т. Без G и С. Такая цепочка не могла бы кодировать белок, она нестабильна, она должна была развалиться в первые же секунды. Но она есть. Она зафиксирована в её крови.

– Третий... – Бриzz увеличил изображение до молекулярного уровня. – Здесь вообще половина основания. Сломанная молекула. Она не может образовывать пары. Это мусор, обломок. Но он встроен в цепочку, будто так и было задумано.

– И вот это... – его голос стал тише, почти шепот. – Сорок шесть различных оснований в одном образце. Сорок шесть «букв» в алфавите, где их должно быть четыре. Это не генетический код. Это... я не знаю, что это. Телеграмма, написанная на языке, для которого у нас нет не только словаря, но и концепции азбуки.

Бриzz откинулся назад, и в лаборатории повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гудением генераторов.

– Коллега, – сказал Бриzz, глядя не на товарища, а в пустоту, где висели эти невозможные строки. – Это не заражение и не побочный эффект. Это артефакт. Кто-то или что-то оставило в Искре следы технологии или биологии, которая работает по принципам, не просто неизвестным нам, а, возможно, непостижимым для нынешнего понимания жизни. Искру и Алексея потрепало что-то, чью природу мы пока не можем понять и достойно расшифровать.

Руслан молчал, что уже было тревожным знаком. Он смотрел на сорок шесть букв генетического алфавита, будто видел в них лицо дьявола. Или своей бывшей.

– Охренеть, – наконец выдохнул он, потирая переносицу. – Ладно. Допустим. Это хрень какая-то неземная или искусственная. Зачем? Что она делает? Она ж не просто так в крови обитает, как у себя дома.

– Прекрасный вопрос, – отозвался Бриzz, и в его голосе зазвучали стальные нотки охотника, взявшего верный след. – Она не обитает. Она взаимодействует. Смотрите.

Его пальцы вновь пролетели над панелью. На экране появилась динамическая модель – знакомые цепочки ДНК Искры, а рядом, как паразитические лианы, те самые аномальные последовательности.

– Обычный патоген встраивается в геном, чтобы размножаться. Вирус, бактерия... Их цель – репликация. Цель этого набора... иная.

Он запустил симуляцию. Аномальные цепочки не копировались. Они... цеплялись. Они образовывали молекулярные «крюки» и «мосты» к здоровым клеткам Искры, но не для разрушения. Для... сканирования.

– Видите? Они не едят. Не размножаются. Они читают. Считывают информацию с её клеток, с её иммунного ответа, и... – Бризз сделал паузу, подбирая слово, – адаптируются. Меняют собственную структуру в ответ. Этот обломок, – он ткнул в «половинчатую» молекулу, – за последние три часа проявил слабые, но измеримые признаки саморепарации. Он учится быть целым, глядя на то, как это делает организм Искры.

Руслан присвистнул:

– То есть эта... штука, что их расхерачила... Она не просто царапаться пришла? Она как шпионский зонд? Собрать данные хотела?

– Не просто собрать, – поправил Бризз, ледяной огонёк в глазах разгорался. – Она хотела интегрироваться. Взять готовое, совершенное, невероятно устойчивое – каковым является биология Искры – и использовать как шаблон, как каркас для собственной стабилизации. Это похоже на то, как если бы дикарь, никогда не видевший часов, нашел швейцарский хронометр и попытался, ломая, понять принцип его работы, чтобы починить свои солнечные часы из глины и палок.

– А Искра, выходит, эти часы сломала об морду дикарю, – хмыкнул Руслан, но Бризз даже бровью не повел.

Мысль была слишком мрачной.

– Значит, Землеройка – она не просто сильная. Она... умная? Башковитая?

– Нет.

Ответ Бризза был подобен удару ледоруба.

– Не умная. Отчаянная. Искусственная. Эти последовательности... они не продукт эволюции. Эволюция берет готовое и медленно улучшает. Это – набор заплаток. Взгляните.

Он вывел все аномальные образцы в одну таблицу, сортируя их по параметрам.

– Образец с шестью основаниями. Образец с двумя. Обломок. Безумный алфавит из сорока шести символов... Они не дополняют друг друга. Они противоречат. Биологическая система, построенная на таких принципах, нежизнеспособна. Она должна была рассыпаться в пыль в момент создания. Но она жива. Она сражалась с Искрой. Значит, её что-то удерживает. Какая-то внешняя воля или чудовищно мощный энергетический каркас.

Руслан медленно прошелся по лаборатории, его тяжелые шаги отдавались в тишине.

– Слепок, – пробормотал он. – Ты говоришь – набор заплаток. А если... если это не одна тварь? Если это... блять, Бризз, если это сборная солянка? Из кого попало? Вот взяли одного – у него вот такой кусок кода взяли. Другого – вот такой. Третьего, у которого всё наперекосяк... И слепили в одну кучу, скрепили чем-то сильным, чтобы не развалилась. И отпустили, типа, пусть бежит...

Бризз замер. Его ледяной взгляд стал пронзительным.

– Коллега... Вы только что, грубо, но с убийственной точностью, возможно, описали процесс создания. Это не организм. Это конструктор. Франкенштейн на генетическом уровне. Но... – Он снова обратился к экрану, к этим обрывкам чужих жизней, встроенным в код. – ...Но Франкенштейн был посредственным шитьём. Он брал целые куски. Здесь же взяты не целые тела. Здесь взяты принципы, искажённые, сломанные, и попытались собрать из них новое целое. Это даже не солянка. Это... генетическая бойня. Память о множестве жертв, стёртых в единую, страдающую массу. Каждая из этих аномальных цепочек – это не просто мутация. Это крик. Крик, вмонтированный в спираль ДНК.

Тишина стала вязкой, как смола. От такого вывода стыла кровь даже у Руслана.

– Бойня, – повторил он тихо. – Значит, где-то есть мясник. Или мясокомбинат. Этот НИИ-317...

– Был бы идеальным кандидатом, – холодно заключил Бризз. – Но для подтверждения нам нужны не гипотезы. Нам нужны исходные данные. Чтобы найти жертв, из которых сшили это чудовище.

– База пропавших, – мгновенно сообразил Руслан. – Вероника в архивах. Если взять маркеры этих... криков... и прогнать по базам, можно найти совпадения. Узнать, кого именно использовали.

– Теоретически – да, – согласился Бризз, но в его тоне звучала осторожность. – Если их данные вообще где-то сохранились. И если мясник был настолько неосторожен. Но это единственный путь.

Он отключил экран. Жутковатое сияние голограмм погасло, оставив лабораторию в тусклом свете ламп дневного света. Но в воздухе висело нечто более осязаемое, чем свет – новое, леденящее знание.

– Нам нужно к Добровольскому, – сказал Руслан, голос его был непривычно серьёзен. – С этим... нельзя тянуть. Если эта тварь – слепок из людей, и если она может учиться на таких, как Искра, то следующий её выход в свет может быть последним для очень многих.

Бризз кивнул, собирая распечатки в идеально ровную стопку.

– Согласен. Но прежде чем идти, я попытаюсь выделить чистые сигналы этих аномальных последовательностей. Крики, как вы выразились, следует... кристаллизовать. Чтобы архивариус мог с ними работать.

Руслан глядел на него, на этого ледяного аристократа, спокойно говорящего о воплях, встроенных в молекулы.

– Страшное ты дело делаешь, Снежок.

– Знаю, коллега, – тихо ответил Бризз, уже погружаясь в данные. – Но кто-то же должен услышать, что они пытаются сказать. Или прокричать.

В стерильной тишине лаборатории, среди гудящих генераторов, два исследователя – один грубый и прямой, другой холодный и пронзительный – стояли на пороге открытия, от которого кровь стыла в жилах. Землеройка была не монстром. Она была могилой. И её надо было немедленно найти, пока она не начала копать новые.

Рыба-карась – игра началась.

Разбор полетов

Добровольский Александр Сергеевич с нетерпением ждал, когда же к нему все придут. Однако внешне это выразалось лишь постукиванием пальцев по столу. Но, почему-то, Добровольскому было, мягко говоря, тревожно. И ничем это состояние не снималось, кроме как сигаретами. Поэтому он встал, приоткрыл окно, достал пепельницу, зажигалку и пачку сигарет. Достал одну и закурил, выдыхая дым в окно.

В дверь кабинета постучали. Александр Сергеевич неторопливо потушил сигарету в пепельнице и ответил ровно и без капли беспокойства в голосе. Сухо и официально дал разрешение стучавшему войти.

В кабинет осторожно прокрался сначала Громыко Руслан, за ним не спеша вплыл Спирит Бризз. Да, товарищ Громыко, несмотря на свои медвежьи размеры, умел двигаться очень аккуратно и тихо, как большой кот. Ну а Спириту Бриззу по статусу положено не вколачивать сваи при ходьбе.

Александр Сергеевич жестом указал им на стулья, не сказав при этом ни слова. Наши ученые переглянулись, но послушно сели и дождались, пока в свое легендарное кресло опустится товарищ Добровольский. Когда перестали скрипеть кожаные складки кресла Большого Босса, он, наконец, заговорил:

– Доброго утра, товарищи. Искренне рад, что вы не стали медлить с докладом о сложившейся ситуации. Я вас слушаю. Начинайте.

Ребята наши снова переглянулись, кивнули друг другу, и первым начал отвечать Спирит Бризз:

– Рад видеть Вас в добром здравии, господин главнокомандующий. Мы действительно не стали ждать, ибо время не на нашей стороне. Мы, совместно с коллегой, обнаружили в анализах Искры нечто необычное и пугающее. Прошу поверить мне на слово, господин главнокомандующий, я не умею шутить, в моей природе этого не может быть априори...

Добровольский поднял руку ладонью вверх и перебил его:

– Товарищ Бризз, о Вашей природе мы обязательно поговорим позже, как только разберемся с причинами и устраним последствия инцидента с товарищем Романовым и Искрой. Ближе к делу, пожалуйста.

Бризз вздохнул с явным разочарованием, но продолжил:

– Приношу свои извинения, господин главнокомандующий. Вы правы. Итак, мы обнаружили весьма интересные образцы в крови Искры. Если точнее, то мы обнаружили следы чужеродной молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты. И таких молекул не одна, их несколько. Нам удалось их раскодировать, но мы не нашли ни единого точного совпадения в базах. Другими словами...

Добровольский посмотрел на Спирита Бризза поверх своих очков, и тот захлопнул рот, моментально расшифровав молчаливое послание руководителя. Слово взял Руслан:

– Товарищ Добровольский Александр Сергеевич, вот скажите, Вы про Франкенштейна слышали что-то?

Добровольский молча кивнул.

– Вот и я говорю, что персонаж получился забористый. Так вот мы обнаружили несколько таких Франкенштейнов в крови нашей звездной знакомой. Они нестабильны, опасны и они умеют учиться. Прямо такой дикий папуасский танк из ракушек и говна, который очень быстро учится и приспосабливается к окружающим условиям. Но эти сраные молекулы – они не человеческие. Я в душе не ебу, чем именно там в этом «Японском боге» занимались, но, кажется, что у них явно что-то пошло не так. А вот...

Руслан достал из кармана своего не очень свежего лабораторного халата пробирку, весьма потрепанную неизвестно чем. На ней не было никаких опознавательных знаков, но внутри находилась какая-то субстанция, которая напоминала нефть. Во всяком случае, внешний вид был ровно таким же, как у пробы полезного ископаемого. Добровольский и Бризз посмотрели на эту пробирку с интересом и с отвращением. Руслан не стал ее никому отдавать и, держа в руке так, чтобы было всем видно, продолжил:

– Бронебойная посудка в этой подпольной шизоидной лаборатории... Эта вот дрянь по составу такая же, что мы нашли. Данный артефакт я нашел в вещах товарища Романова, пока им медики занимались. Чуть не выкинули в мусорку ценную вещь... Если бы не я! Я вот нашел и сберег, изучил. И хочу я вам сказать, люди добрые, что то, что обнаружилось в анализах крови Искры, и содержимое пробирочки – это одно и то же, – закончил Руслан, поставив пробирку с черной субстанцией на стол перед Добровольским.

Тот медленно снял очки, положил их на стол и встал. Он обошел стол и встал напротив, глядя на пробирку, но не трогая её.

– Одно и то же, – повторил он без интонации. – Скажите, я правильно понимаю: содержимое этой пробирки, найденной товарищем Романовым на объекте НИИ-317, генетически идентично образцам, внедренным в организм Искры в результате нападения?

– Именно так, господин главнокомандующий, – подтвердил Бризз. – С вероятностью 99,97%. Оставшиеся проценты – погрешность приборов и естественная деградация образца за тридцать пять лет.

– Тридцать пять лет, – тихо произнес Добровольский. Он посмотрел на Руслана. – Вы сказали, что нашли ее в вещах Романова. Значит, он взял её до столкновения с угрозой.

Руслан кивнул, его обычная развязность куда-то испарилась.

– Так точно. По их докладу перед выездом – стандартная разведка и установка жучков в заброшенном институте. Мое видение ситуации, можете тапком в меня кинуть, если что: Леша увидел в одной из лабораторий несколько целых пробирок. Решил, что это может быть интересно. Взял одну, гостинец нам с вами в лабораторию хотел принести, типа, вот, чего нашел. Никаких признаков активности на тот момент не было. Никакой «Землеройки». Она... проснулась позже. И спросонья встретила с нашими ребятами: ненакрашенная, заспанная и поэтому злая... Скорее всего, когда они уже шли к выходу.

– И напала, – заключил Добровольский. Он снова сел в кресло, и кожа заскрипела под тяжестью не столько тела, сколько новых данных. – Напала на двух наших лучших полевых оперативников. Один из которых, напомним, обладает иммунитетом к большинству известных аномалий, а второй прошел спецподготовку и вооружен до зубов. Результат – оба в лазарете, один на грани жизни и смерти, второй с тяжелейшими травмами. И все это – работа одного существа. Которое, по вашим же словам, товарищи, является не естественным монстром, а... результатом генетической бойни. Слепком из множества жертв.

Он замолчал, собирая мысли. В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гулом вентиляции.

– Выводы, которые я делаю, неутешительны, товарищи, – наконец заговорил Добровольский, его голос стал жестким, как стальной трос. – Первое: в НИИ-317 тридцать пять лет назад не просто произошла авария. Там был создан искусственный организм, биологическое оружие, которое вышло из-под контроля и уничтожило своих создателей. Второе: это оружие не было уничтожено. Оно впало в анабиоз, а теперь реактивировалось. Причиной реактивации могло стать всё что угодно: от фаз Луны до того факта, что товарищ Романов и товарищ Искра просто вошли в это здание. Третье, и самое главное: это оружие обладает способностью не просто убивать, а изучать и адаптироваться. Оно впитывает генетический материал жертв, чтобы становиться сильнее. Искра стала для него не просто мишенью. Она стала... учебным пособием высшего класса.

Бризз склонил голову в знак согласия.

– Ваш анализ точен, господин главнокомандующий. Контакт с Искрой мог дать Землеройке беспрецедентные данные для стабилизации и эволюции. То, что раньше было клубком отчаянных генетических криков, теперь может обрести... направленность. Цель.

– Цель – выжить и продолжить то, что делала перед сном, – мрачно добавил Руслан. – Оно уже знает, что мы есть. Оно, вероятно, знает, где мы. И знает, как мы кусаемся. Следующая встреча будет... незабываемой, как свидание с крокодилом при свечах.

Добровольский снова поднялся и подошел к окну, глядя на заснеженный двор комплекса.

– Пробирка, – сказал он, не оборачиваясь. – Это ключ. Не только к пониманию существа, но и к его создателям. Товарищ Бризз, я поручаю вам полный и глубокий анализ этой субстанции. Вне очереди, с приоритетом выше всех текущих проектов. Нужно понять не только что это, но и как это сделано. Технологию. Принцип сборки. Уязвимости.

– Слушаю и повинуюсь, господин главнокомандующий, – ледяной элементарь кивнул, его глаза уже горели холодным планом действий.

– Товарищ Громыко, – Добровольский повернулся к нему. – Совместно с архивным отделом, с товарищем Гордей, вы начинаете полномасштабное расследование по НИИ-317. Всем, кто там работал, всем смежным проектам, всем поставкам оборудования и биоматериалов. Нужно найти не только чертежи этого... Франкенштейна. Нужно найти тех, кто мог сохранить эти чертежи у себя в голове. Или в сейфе. Проект такого масштаба не мог быть стёрт полностью. Всегда остаются... энтузиасты.

Руслан хмыкнул, и в его глазах вспыхнул знакомый огонёк охотника.

– Понял. Ищем мясника, который соскучился без работы.

– Именно. И делаем это быстро. Пока Землеройка, получив новый опыт, не решила сменить дислокацию. Пока она не вышла за пределы того здания.

Добровольский вернулся к столу и снова посмотрел на пробирку.

– Эта кровь... она холодная?

– Комнатной температуры, – ответил Бризз. – И демонстрирует минимальные признаки метаболизма, даже в изолированном состоянии. Как спящий вирус.

– Тогда вот ваша первая задача, товарищ Бризз, – Добровольский ткнул пальцем в направлении пробирки. – Определить, является ли эта субстанция стабильной. Может ли она... заражать. Могла ли одна разбитая пробирка тридцать пять лет назад стать причиной катастрофы. И может ли эта, целая, стать причиной новой – здесь.

Ледяной взгляд Бриза стал абсолютно непроницаемым.

– Я Вас понял, всё сделаю в лучшем виде, господин главнокомандующий.

– Хорошо, – Добровольский наконец сел, и в его позе появилась привычная железная решимость. – Докладывайте мне лично о любых результатах каждый день. Товарищ Громыко, совместно с товарищем Гордей: через двадцать четыре часа у меня должен быть план поиска и список приоритетных целей. Это теперь наш главный фронт. Вопросы?

Учёные переглянулись. Вопросов не было. Было ясное, холодное понимание задачи.

– Тогда приступайте. И... – Добровольский на секунду задержал их взглядом, – постарайтесь сделать всё как нужно. Этот объект уже показал, что наши лучшие для неё – не помеха. Не давайте ему нового материала для изучения.

Руслан и Бризз вышли из кабинета, оставив Александра Сергеевича наедине с пробиркой на столе. Он не стал её убирать. Он смотрел на этот черный маслянистый цилиндр, в котором плавало наследие чьего-то безумия.

«Японский бог... – мысленно повторил он за Русланом. – Каким же идиотом надо быть, чтобы играть в богов с таким исходом?»

Он снова потянулся к пачке сигарет. Тревога никуда не делась. Она только обрела четкие, жуткие очертания пробирки с чёрной кровью.

Броня крепка и танки наши быстры

Пока Спирит Бризз был в своей холодной лаборатории и занимался изучением того, что удалось добыть из крови Искры, сама Искра тем временем почти пришла в себя. Неведомый крик продолжал раздирать ее «внутренний монитор», но она научилась делать его не таким громким. Единственное, что ее расстраивало – ее не хотели пускать к Алексею. Из обрывочных мыслей медсестер и врачей она узнала, что ее командиру не особо хорошо, он достаточно серьезно ранен. И от того, что к нему ее настойчиво не пускали, Искра расстраивалась. Объясняли этот запрет на посещение ее природой: любая сильная эмоциональная реакция могла как взорвать медблок, так и просто оплавить пластик на корпусах приборов. А доводы самой Искры о том, что она может помочь Алексею Романову быстрее встать на ноги, почему-то никто не слушал.

Все ей тыкали в показания мониторов, на которых бежали кривые линии. Бризз ничего не объяснял, а Виктория Сергеевна только качала головой и говорила, что Искра сама чем-то заражена, результатов анализов пока нет, и еще внезапный «голос» в ее сознании, который хоть на половину секунды, но заставляет лампы мигать, а приборы – сбивать – это весомый повод оставаться в палате.

Приходилось скучать в палате и развлекать саму себя. Однажды, когда к ней зашла Вика, Искра навестила уши на ее голос: будто бы простудилась. Голос был сиплым, и Вика покашливала. Сама Виктория Сергеевна сказала, что вчера почти весь день ей надо было озвучивать отчеты об исследованиях аномалий под запись. Как аудиокнига, только про разные аномалии. Вот голос и сел. Искра хмыкнула и попросила Вику наклониться к ней. Когда Искра прикоснулась пальцем к ее шее, она увидела небольшой отек голосовых связок, что и давало голосу сипение. Искра сформировала на кончике пальца небольшую светящуюся точку размером со светящуюся часть светлячка, и эта точка безболезненно проникла прямо к голосовым связкам Виктории. Врач отшатнулась от Искры, пытаясь скрыть испуг, зажала себе горло рукой, но, спустя пару минут, отпустила руку и сглотнула ком в горле. Искра, улыбнувшись, спросила Вику:

– Виктория, подскажите, пожалуйста, что означает данная линия на мониторе?

Вика улыбнулась в ответ, откашлялась и с важным видом начала объяснять. Искра делала вид, что внимательно слушает все объяснения, а потом просто рассмеялась:

– Вы себя слышите, Вика? Вы говорите прежним, чистым и приятным голосом. Лучше?

Вика остановилась и оторвала взгляд от мониторов. Она еще раз кашлянула и попробовала спеть, осторожно, тихонечко:

– Выйду ночью в поле с конем...

Получилось весьма неплохо, чему Вика очень обрадовалась и рассмеялась вслед за Искрой.

Отсмеявшись, Искра продолжила говорить:

– Неплохо поете, Виктория Сергеевна. А что это за задание такое: озвучивать текст?

Вика, закончив набирать в пробирку кровь из вены Искры, ответила:

– Ну, вот такое задание. Это лучше спросить у товарища Гордей, ее распоряжение.

Архивы оцифровываем. Сканируем и озвучиваем. А что?

Искра отвела взгляд в сторону и опять вернула его к Вике:

– А этим может заниматься любой сотрудник?

Вика задумалась:

– Не знаю, не буду врать. А что? Вы хотели бы предложить свой голос?

Искра кивнула в знак согласия.

Через некоторое время Виктория Сергеевна принесла в палату Искры ноутбук и наушники с микрофоном. Простые, чуть дороже обычной гарнитуры, которую используют в работе удаленщики. Операторы колл-центров, например. Вика предоставила максимально простые и четкие инструкции: что где брать и что надо проговаривать в обязательном порядке. Искра в ту ночь так и не легла спать. Запоем читала доклады в микрофон, даже умудрилась редактировать аудиозаписи, вырезая оговорки, нечетко произнесенные буквы, неправильно расставленные ударения и вычищая фоновые шумы.

Утром Искра поняла, что читать шесть часов подряд без перерыва – нагрузка даже для нее самой. Но, зато за ночь ни разу в ее сознание не ворвался этот душераздирающий крик.

Маленькое лирическое отступление. Искра испытывала странную тягу к микрофонам и прочей работе со звуком. Нет, она никогда не была звукорежиссером или звукоинженером. Она сама этого не помнит, но очень давно, когда наша с вами Искорка была еще человеком, она работала на радио в прямом эфире. Рок-радиостанция. И я точно знаю, что ее слушали. И эта работа была настолько классной, настолько приятно-выматывающей, что она по уши и безответно влюбилась в эту атмосферу и работу. Ей нравилось говорить, слушать, получать отзывы слушателей, даже тех, которые плевались. Подавляющее большинство, все же, были в тихом восторге от ее речи и голоса.

Возвращаемся в реальность.

Оставим пока Искру – пусть развлекается.

Та кровь, которую не так давно брала у Искры Виктория Сергеевна, была разложена на молекулы, результаты задокументированы и направлены Спириту Бриззу. Когда он посмотрел в них, он чуть не упал от шока: в крови Искры обнаружилась... только ее собственная кровь. Без «гостинцев». Не осталось даже следа. Бризз сам все лично перепроверил – ни одного следа того, что повергло в шок их с товарищем Громыко! Иммунитет Искры будто бы «выжег» чужеродную ДНК из ее организма. Ни намек на то, что еще пару дней назад можно было выделить. Но для Искры – хорошо, а Бризз лишний раз похвалил себя за предусмотрительность – он успел заморозить образцы зараженной крови, успел выделить все маркеры, которые нужны были Веронике Алексеевне и Руслану, чтобы проверить базы.

Спирит Бризз сам пришел в палату Искры, и, слава Регулу, она ничего не начитывала в этот момент. Иначе бы от половины медблока осталось бы пепелище, смешанное со льдом. А Бризза бы можно было использовать в качестве музейного экспоната. Живого манекена, у которого осталось бы только имя на табличке и пара ярких воспоминаний. Не любила Искра, когда ее отвлекают или нарушают ей же выстроенный процесс. Спирит Бризз даже улыбнулся, когда увидел Искру спящей. Но она моментально проснулась, услышав легкий щелчок двери в палату.

– Рад видеть, моя дорогая. Как себя чувствуешь?

– Хорошо. Если бы... Ладно, тебе говорить об этом не буду, а то еще заморозишь мне аппаратуру. Есть новости?

– Есть, моя дорогая сестрица. Ты – здорова. Во всяком случае – по анализу крови. Есть пара значений, которые выходят за рамки референсных, но это не беда.

Искра улыбнулась, и даже ее сложенные крылья засияли мягким зеленоватым светом, будто бы были полностью из северного сияния, а не только контуры. Спирит Бризз взял стул и сел напротив нее:

– Песни поете, моя дорогая Сирена?

Искра шутки не оценила и даже немного обиделась:

– Я не озвучивала «Аврору»...

Бризз усмехнулся:

– Моя плазменно-пламенная богиня, я не про ту сирену, которая мне самому доставляет дискомфорт, а про мифическую Сирену.

Искра посмотрела на брата с нескрываемым раздражением и обидой, но ему будто было ничем:

– Не стоит обижаться. Песнь Сирены считалась очаровательной и губительной. Что можно сказать и о тебе, моя дорогая...

Ресницы Искры превратились в огоньки свечей, а глаза полыхнули пламенем. Крылья стали кроваво-красными, и от них пошел жар.

– Бризз... Я – не Сирена.

Спирит Бризз уже и сам понял, что позволил себе сказать лишнего. Только он собрался что-то ответить, как Искра выдохнула, успокоилась, взяла себя в руки и спела:

– Если бы ангелы твои оставили меня...

Бризз замер. Даже поток мыслей отключился. Безусловно, он и раньше слышал, как она поет. Но после начала своей «сердечной реанимации» он начал чувствовать всё несколько иначе. И тут он поймал себя на том, что голос его названной сестры его очаровал. Мягкий, гипнотический, бархатный и тягуче-притягательный – этот голос ввел его в транс за четыре с половиной секунды. Он хрипло откашлялся и проговорил вполголоса:

– Кхм... Как ты это сделала? Что это было?

Искра и сама была в недоумении. Она не знала, что это было. По факту – просто строчка из песни «Ангелы» группы «Би-2». Она растерянно помотала головой, давая ему понять, что и сама не до конца понимает.

Спирит Бризз попрощался с Искрой и вышел из палаты, пытаясь успокоить бешено колотящееся и поэтому болезненное свое сердце. Искра смогла «загипнотизировать» его одной лишь строчкой. Это интересно и... приятно. Это было всё то же ее пламя, но обернутое в бархат. Хотелось прикоснуться снова и снова. Слушать ее и раствориться в этих частотах. Бризз тряхнул головой и поймал на себе обеспокоенный взгляд Виктории Сергеевны. Он слегка улыбнулся, выпрямился, оторвал спину от стены, куда уперся, чтобы отдышаться. И, одарив Вику самой очаровательной и, насколько это было возможно, теплой улыбкой, произнес:

– Приветствую, Виктория! У Вас вопрос ко мне?

Вика окинула Бризза оценивающим взглядом:

– Что с Вами, Спирит Бризз?

Он улыбнулся еще шире, и в нем снова появилась теплота, которая уже была вызвана самой Викторией:

– Виктория, предлагаю Вам сегодня зайти ко мне на чашку чая. Мы много работали и заслужили вечер отдыха. Что скажете? Осчастливите меня своим вниманием?

Вика с радостью согласилась, забыв о том, что хотела спросить. После того свидания, которое окончилось легчайшим поцелуем в щеку, она никак не могла забыть это ощущение легкой прохлады на своих губах. И, работая со Спиритом Бриззом, она не могла не увидеть, как он меняется. Становится всё человечнее, но остается при этом богом льда и снега, холодного и великолепно-завораживающего мастерства и точности.

Она согласилась. Они удалились в свою лабораторию.

Оставим пока их в покое и заглянем в архив, где споро работали Руслан и Вероника Алексеевна.

Загрузив в поисковую программу чужеродные маркеры, полученные в ходе исследования крови Искры, Вероника Алексеевна стала сортировать документы по сотрудникам, а Руслан, чтобы не сидеть в тишине, заварил себе чаю и включил первую попавшуюся запись из сборника с аудиозаписями по объектам. Пока файл загружался, а программа думала (оборудование работало не очень быстро), Руслан спросил у товарища Гордей:

– Никусь, солнышко, а нахрена эта затея с переводом документов в аудио?

Вероника Алексеевна сухо ответила:

– Есть разные люди. Кому-то достаточно прочитать, а кому-то надо слушать. Тем более что пока идет прослушивание записи – руки свободны. Можно, например, обедать и слушать, не пачкая документы...

То, что услышали из динамиков Руслан и Вероника Алексеевна, имело эффект... Шока. Они послушали запись до конца и застыли в молчании. Вероника Алексеевна убежала, сказав, что это должен услышать Добровольский. Что это – находка, самородок, золото, голос СКЗ-фонда. А Руслан...

Руслан позвал Бризза в архив, просто силой потащив ледяного бога в катакомбы СКЗ-фонда. Бризз не стал терпеть такого даже от коллеги:

– Руслан, прекратите! Что у Вас случилось?!

Руслан, запыхавшийся, еле проговорил:

– А теперь, Снежок, слухай сюда...

И Руслан включил какую-то запись. Полившийся из динамиков голос был голосом Искры. Только еще и усиленный эхом от стен архива. Искра читала официальные отчеты об исследованиях аномальных объектов. Но это не имело значения. По пространству архива разносился голос, делающий воздух тягучим, вибрирующим, обволакивающим в бархат. Двое коллег стояли, замерев, и не хотели шевелиться. Когда эти пять минут закончились, Руслан выдохнул так, будто марафон пробежал:

– Это же Искра? Ее голос?

Бризз оторвал свою ненароком примороженную руку от стола и ответил тихим шепотом:

– Да... Это...

Руслан выдохнул уже с вожделием, и в его карих глазах зажегся недвусмысленный огонек:

– Это охуенно...

Спирит Бризз стяхнул со своих пальцев последние льдинки и тихо произнес:

– Это потрясающе, Вы правы, коллега... Так вот как это звучит в записи...

Тут раздался тихий и такой неуместный звук уведомления программы, что поиск соответствий завершен. Руслан заставил себя опустить голову и посмотреть в монитор, на котором отображался целый список данных.

Они вместе с Бриззом стали просматривать то, что выдала им программа, и их глаза всё больше стали напоминать глаза персонажей из аниме. Пришла и Вероника Алексеевна, которая к ним присоединилась.

Программа выдала совпадения с теми, кого считали пропавшими без вести. И все они числились в списках сотрудников и подопытных того самого НИИ-317. «Японский бог» стоял буквально за углом, молчаливо наблюдая целых 35 лет. Он не исчез и не испарился, не пропал. А рассеялся, как туман под лучами утреннего солнца. Но он оставался. А сейчас стал еще и на пару шагов ближе, и на пару пунктов опаснее.

Поговорил бы кто со мной...

Прошла еще неделя или около того. Алексей шел на поправку, Искра откровенно маялась от скуки, стирая голосовые связки в труху и слепя свои прекрасные глаза монитором ноутбука. Но озвучивать, читать ей нравилось.

По правде сказать, Алексей уже себя порядком извёл своими заикленными размышлениями о том, как и что дальше с Искрой, нужен ли он ей такой и тому подобное. Спирит Бризз, однажды услышавший поток его откровений Руслану (случайно!), зашел в палату:

– ...и нахрена мне тогда всё это, а Руслан?

Бризз тихо кашлянул, чтобы привлечь внимание. Головы Руслана и Алексея моментально повернулись в его сторону. Бризз неторопливо прошелся по палате и, не найдя места, куда можно присесть, просто оперся спиной о стену:

– Друг мой, я и подумать не мог, что Вы – настолько не уверены в себе... Это весьма прискорбно... Нужно будет поработать с этим.

Алексей хмыкнул, Руслан сложил руки на груди и недобро посмотрел на ледяного бога. Бризз продолжил:

– Однако, хочу заметить... О, боги, сам не верю, что это произношу... Искре Вы нужны в любом виде и состоянии. Каюсь, я не сразу это понял. Но поверьте тому, кто ее создал...

Снежный король подошел к Алексею, который сидел на кровати, сжимая костыль в кулаке, и наклонился к его голове:

– Если ОНА Вас выбрала, то это приказ. Это не обсуждается никем. Вы боитесь за нее, что весьма справедливо. Поверьте, друг мой, я боюсь за сестру не меньше Вашего. Но вернулась она к нам с Вами, Алеша, не просто огненной девой, а богиней. Звездой в теле милой девицы. Вы намерены оспорить выбор звезды?

Алексей не успел ответить или возразить. Дверь палаты бесцеремонно открылась, на пороге стоял один из его бойцов, который сказал, не проходя в палату дальше того порога, где стоял:

– Здравия желаю, товарищ командир! Поступило распоряжение от товарища Добровольского. Получите, пожалуйста, конверт и распишитесь вот здесь.

Бризз и Руслан было потянулись за конвертом, который протягивал боец. Но Алексей остановил их рывком «Я сам!».

Товарищ командир, кряхтя, поднялся, оперся на костыль и допрыгал до этого злосчастного конверта, взял его, расписался, куда ему указывал боец, и коротко приказал посыльному убираться восвояси. Когда дверь закрылась, громко щелкнув, Алексей открыл конверт и достал бумагу, которая даже еще остыть не успела после печати. Романов пробежал текст глазами и заулыбался.

Руслан и Бризз переглянулись. Что там такого было написано, от чего Алексей так расцвел? Бризз взглядом спросил разрешения посмотреть документ. Романов радостно протянул листок Бриззу, тот его быстро прочитал, хмыкнул и отдал документ в руки Руслана.

Руслан пробежался по листу глазами и выдал:

– Вот это поворот, друзья-товарищи! На улицу хоть выйдешь, Леха! А сможешь, ходить-то?

Бризз стоял в легком недоумении:

– Я мало что понял из этого кошмарно написанного текста. Поясните, пожалуйста?

Руслан повернул к нему голову:

– Леху нашего на испытанку направили, по распоряжению Веронички с Добровольским вместе. Описали, конечно, коряво... Но тут этот парк сопливый недалеко, да и не один поедет.

Тут сказано, что «в связке с одним из эффективных бойцов» его же отряда... Лех, как ты думаешь, кого с тобой отправят?

Алексей пожал плечами:

– Да какая разница – у меня в отряде все эффективные. Не с икрой же, в конце концов... Я всё еще остаюсь командиром – приятно осознавать, что не списали. И я сделаю так, чтобы и дальше не списывали.

Бризз осторожно вставил свое слово:

– Коллеги, подождите, правильно ли я понимаю... Алексея отправляют на задание? В таком состоянии?! Это нерационально и может быть потенциально опасно, Леша! И Вы еще рады этому?

Алексей громко стукнул костылем по кафелю:

– Спирит Бризз, я на ногах, а значит – в строю. Приказы не обсуждаются, а выполняются. Задание простое. Судя по всему, там в парке, в пруду водяной чем-то сильно расстроен, вот и проказничает... Плевое дело. Правда, хоть выйду на прогулку...

Бризз и Руслан попрощались с Алексеем и вышли из палаты. В коридоре они встретили того же бойца, который принес конверт с хорошими новостями. Судя по вектору его движения, он только что был в палате Искры. Удивительно, как еще жив остался, ибо в это время к пламенно-плазменной аномалии было нежелательно заходить. Табличка «On air», что переводится как «Не влезай – убьет!».

Однако Руслан и Спирит Бризз тоже решили попытать счастья и получить аудиенцию у Искры. Подойдя к двери ее палаты, они прислушались. Было тихо. Руслан тихонько постучал в дверь. Услышав «Входите», они открыли дверь, но не стали заходить, а только просунули в открывшийся проем головы.

Искра сидела молча с каким-то листочком в руках. Наушники и ноутбук лежали на кровати рядом с ней. Она сидела тихо, выпрямившись, ее крылья светились едва заметным голубоватым сиянием. Можно было заходить – она была спокойна. Ребята осторожно прокрались в палату, и первым хотел заговорить Бризз, но Искра сделала это быстрее него:

– Меня и еще какого-то «сотрудника, занимающего соответствующую руководящую должность» отправляют в парк... Но я пока еще остаюсь под наблюдением медперсонала... Руслан, Бризз – что это такое? Я не вижу в этом логики.

Бризз улыбнулся уголком губ, а Руслан подскочил к девушке и приобнял ее за плечи:

– На задание идешь, Искорка! Ну, прогуляешься хоть, не всё ж тут чахнуть, да? А можно мне приказ глянуть одним глазочком, солнце?

Искра кивнула и подала ему свой листок. Прочитав его, Руслан подскочил к Бриззу, ткнул в текст пальцем, и они рассмеялись оба.

Искра посмотрела на них так, будто они были ожившими стульями, которые ржали, аки породистые жеребцы.

– Мне кто-нибудь объяснит, что происходит? Ладно, я поняла, что на задание. Это хорошо. С кем – не важно, тут это решают за меня. Но как, если меня еще не выписали? Как, Руслан? Руслан! Прекрати ржать!

Искра как-то необычно посмотрела на старшего исследователя, и тот моментально заткнулся и потрогал свой висок, будто бы там сидела муха, и он ее смахнул.

Искра продолжала буравить взглядом товарища Громыко, и он ответил:

– Такие воздействия строго запрещены, солнышко, но тебе, как ты помнишь – можно всё, чего твоя душа от меня пожелает. А это и не выписка. Это подтверждение, что ты еще работаешь. А по результатам – решат, выписывать тебя или дальше лечить останешься. Понимаешь, тут много факторов, это тебе лучше твоя подружаня пояснит...

Искра непонимающе нахмурила брови:

– Что за «подружаня»?

– Ну, здрасьти – елка-новый год! Гордей Вероника! Она это придумала и согласовала. Там ее же печать и в тексте указано.

Искра хлопнула глазами:

– Но мы с ней вовсе не подруги...

Руслан цокнул языком:

– Совсем шуток не понимаешь, золотце? Прости. Не хотел тебя обижать.

Искра кивнула:

– Я не понимаю ни намеков, ни шуток, кроме анекдотов или игры слов. И в чем причина вашей бурной реакции?

Руслан подавил смех, пытаясь скрыть его за кашлем, Бризз тоже ничего не ответил, только таинственно и загадочно улыбнулся, глядя на сестру.

Выходя из палаты и выталкивая перед собой Руслана, который никак не мог успокоиться, он лишь бросил через плечо:

– Завтра узнаешь, сестрица... Тебе нужно отдохнуть. Мало ли что вас там ждет.

Утро следующего дня отличалось от привычных тем, что Искра, полностью в снаряжении и похожая чисто внешне на стандартного бойца выездного отряда СКЗ-фонда, стояла у выхода и ждала, когда появится «руководитель», с которым ей предстояло поймать или просто нейтрализовать очередную аномальную сущность. Повернув голову на странные, нехарактерные для ходьбы звуки, она не поверила глазам. По коридору, прямо к ней, шел ее Алексей! С костылем, хромая, но прямо и гордо, так же, как и всегда. Так как на ней был шлем (лица не было видно), она тут же приняла решение «продолжить спектакль» своего коварного братца и пройдохи по имени Руслан, который они устроили ей вчера. Естественно, они оба, комедианты чертовы, провожали Алексея с хитрыми ухмылками. Искра же решила, что не нужны им с Романовым зрители. И пусть обломаются.

Все помним, что Искра умеет трансформироваться и менять голос? Вот она это и сделала. Она поприветствовала Алексея от лица Виктора (одного из «любимчиков» Леши), и они спокойно вышли из СКЗ-фонда.

Алексей не умел читать мысли, но его безупречная интуиция подсказывала, что тут что-то не так. Дойдя до курилки, Алексей предложил подыметь и «Витьке». Но тут этот боец снял шлем. Наш бравый командир забыл, как надо дышать. Снова его сердце пропустило пару тактов и потом пустилось вскачь, будто подгоняемое стаей аномалий. Зрение резко начало показывать замутненную картинку, но этот образ, эти глаза, эту улыбку он узнал бы даже будучи обладателем миопии на -20 диоптрий. Сигареты выпали из его рук, костыль отправился вслед за пачкой. Он коротко и резко вздохнул, закашлялся и только смог выдавить из себя голосом совсем не командира, а школьника на первом свидании:

– Иск-кра...

Она стояла и улыбалась, уже не пряча и не останавливая своих слез. Сквозь сплошную черную форму проявились ее крылья, которые переливались всеми возможными оттенками космических туманностей, по ним пробегали яркие всполохи комет, а ленты северного сияния стали подобны неоновым вывескам. Она дрожала, колени подгибались, дыхание сбилось, будто бы она пробежала марафон за 5 минут, не пользуясь никакими своими способностями. И... Искра даже слова не могла сказать. Даже произнести его имя не позволял огромный ком в горле, который никак не хотел уходить. Она просто смотрела на Алексея и плакала, улыбаясь.

Сигареты рассыпались по бетону. Костыль упал со звуком взрыва 1 кг тротила. Но этот взрыв был далёкий, как из другого измерения. Всё пространство схлопнулось в точку – в её лицо. В эти глаза, которые смотрят на него сквозь водную дымку, а он в них тонет, захлёбывается, сгорает без остатка.

«Она. Это она. Не Витек. Какой, к дьяволу, Витек?!. Какого... Какого хрена я не догадался... Движения. Шея, когда снимала шлем. Я должен был понять. Боже, она плачет. Почему

она плачет? Из-за меня? Из-за этой моей хромой ноги и дурацкого костыля? Нет. Стоп. Остановись, придурок!».

Он видел, как её колени подкосились. Инстинкт, древний, животный, пересилил боль, пересилил всё. Рука сама взметнулась, схватила её за предплечье – не бойца, не аномалию, а её, Искру, – и рванула к себе. Неловко, грубо, так что сам чуть не упал, балансируя на одной ватной ноге.

Он не обнял её. Не мог. Одной рукой, кое-как, почти падая, он поднял костыль с земли, а вторая впиалась в её руку, как в якорь. Он просто пригнул её, прижал лбом к жёсткому пластику своего бронежилета, туда, где под рёбрами бешено колотилось что-то живое, рвавшееся наружу.

«Тепло. Через всю эту броню – тепло. Она дрожит. Вся дрожит мелкой дрожью, как лист. Почему? Это из-за меня. Успокойся. Прошу, успокойся. Я же тут. Я живой. Хромой, но живой. А она... Боже, она светится. Крылья светятся... Она не может это скрыть. Она из-за меня светится. И плачет. Чёрт, как же больно, когда она плачет. Не плачь, Искра, я сам сейчас заплачу, а мне не положено...».

Он стоял, прижимая её голову к груди, сам не дыша. В носу предательски защекотало. Горло сжалось в тугую, болезненный узел. Он зажмурился, впиваясь зубами в нижнюю губу, до крови прокусывая.

«Нельзя. Ни в коем случае. Командир ты или тряпка последняя?! Она на тебя смотрит. Она ждёт, что ты её выведешь. Что ты скажешь что-то, а не будешь сипеть и пыхтеть с неясным выражением лица... Не отпускай. Никогда больше не отпускай! Даже если нога откажет, даже если комиссия спишет. Упасть здесь, на этом грязном асфальте, и держать её вот так, пока не кончится воздух, пока не перестанет биться сердце... Это было бы идеально. Это было бы логично. Но нельзя. Приказ. Работа, будь она неладна...»

Его рука на её спине сжалась в кулак, впиалась в ткань её формы. Глубокий, срывающийся в хрип вдох. Ещё один. Он отстранил её, не глядя в глаза – не мог смотреть, иначе сорвётся всё, – развернулся и, шатаясь, пошёл к служебному «Рапиду». Прыгал на одной ноге, пытаясь встать на сломанную, но это не получалось – больно было, аж жуть. Приходилось опираться на костыль. Голос, когда он заговорил, был чужим, сплюсненным, проржавевшим от невыплаканных слёз:

– Поехали... Работа ждёт.

Он не обернулся, чтобы проверить, идёт ли она. Он знал. Он слышал за спиной её сбивающийся шаг, тихий всхлип, который она подавила. И чувствовал на своей спине, на своей бронированной спине – её взгляд. Горячий, как солнечный ожог, и влажный, как её слёзы.

Дорога была тихой камерой пыток. Надо отдать должное тем, кто делал автомобиль – шумоизоляция была на высоте. Молчание давило на барабанные перепонки, а расстояние в салоне – на всё остальное. Алексей уставился в обивку потолка над головой водителя, считая пятна на потолке, чтобы не смотреть на неё, прижатую к другой дверце. Искра сидела, вжавшись в пассажирское сиденье, будто хотела провалиться сквозь тонкий пластик обшивки. Единственные звуки – «мурчание» двигателя и скрип тормозных колодок на каждом повороте. Водитель, молодой агент из резерва, чётко соблюдал все знаки и даже пропускал пешеходов за полсотни метров – видимо, получил строгий инструктаж: «Вези, как хрустальную вазу. Ваз – две».

Они выгрузились на краю парка, и теснота сменилась ледяной пустотой. Воздух встретил их не прохладой, а молоком. Густой, белесый туман стелился по земле, заливая асфальтовые дорожки, проглатывая кусты, повисая на голых ветвях деревьев. Видимость – пять шагов. Не больше.

Искра замерла на секунду, втянув воздух. И тут у Алексея, привыкшего уже к её чудесам, снова перехватило дыхание. Контур её ушей – те самые, обычные, человеческие – потяну-

лись вверх, заострились, стали изящными, как у лесного духа из старой сказки. Она наклонила голову, и он увидел, как тонкий хрящ под кожей слегка дрогнул, улавливая частоту, недоступную ни одному прибору Фонда.

– Идем, – её голос прозвучал приглушённо, будто и туман его впитывал. Она не ждала ответа. Просто пошла, растворяясь в белой пелене, из экипировки торчали только два острых кончика её новых ушей, будто антенны.

Алексей, стиснув зубы, поплёлся следом. Костыль глухо бухал о мокрый асфальт, каждый шаг отдавался колющей болью в боку и невыносимым жжением – в ноге. Он не отставал. Не мог. Мысль о том, чтобы потерять её из виду в этом молоке и собственной беспомощности, была страшнее любой пытки.

Они шли, будто по дну призрачного моря. Туман обволакивал, цеплялся за одежду холодными прядями. Искра вела безошибочно, будто видела невидимые нити, тянущиеся к источнику. Или слышала их.

И вот туман вдруг расступился.

Они стояли на берегу небольшого, запущенного пруда. Вода была чёрной и неподвижной, как расплавленный обсидиан. И посреди этой чёрной глади, по грудь в воде, сидела... фигура.

«Водяной» – это громко сказано. Это было подобие. Силуэт человека, слепленный из самой воды, тумана и тины. Контур расплывался, струились, но угадывались плечи, склонённая голова. Он не был ни старым, ни молодым. Не живым и не мёртвым. Он просто был. Вечным, печальным, как сама эта стоячая вода.

И он был занят делом.

На маленькой плёнке ряски перед ним лежали листья кувшинок, уже пожухлые, с бурными краями. Его руки – сгустки более плотного тумана – бережно, с нелепой старательностью складывали из листа что-то, похожее на самолётик. Получалось криво, лист рвался, но он, казалось, не замечал. Закончив, он подносил «самолётик» к своим несуществующим губам, будто дул на него, и запускал вперёд.

Лист пролетал сантиметров тридцать, цеплялся за воду и тонул.

Водяной смотрел ему вслед. Вся его бесформенная поза кричала о такой бесконечной, вселенской печали, что у Алексея, привыкшего к воплям и агрессии аномалий, сжалось сердце. «Это» не было монстром. Это было дитя, потерявшее свою игрушку в вечности.

Искра стояла неподвижно. Слёз на глазах уже не было. Было выражение глубокого, почти болезненного понимания.

– Он расстроен, – тихо сказала она, не оборачиваясь. Её эльфийские уши мягко дрогнули. – Он хочет, чтобы они летали. А они... не летят.

Алексей молчал. В его голове, привыкшей к чётким алгоритмам: «классифицировать, оценить угрозу, нейтрализовать», буксовала одна-единственная мысль.

«И что с ним делать?»

И в этот момент водяной, будто почувствовав их взгляды, медленно повернул к ним свою туманную голову. Вместо глаз в ней мерцало два глубоких, ярких огонька.

Алексей замер, готовясь к худшему – к всплеску, к волне, к водяному вихрю. Но аномалия не атаковала. Этот «бульк» просто смотрел на них своими светящимися точками-глазами, и вся его туманная фигура казалась ещё более поникшей.

– Вы... – голос прозвучал не из того места, где должен был быть рот. Он исходил отовсюду – из тумана, из воды, из самого влажного воздуха, тихий, булькающий, как родник, забитый глиной. – Кто вы такие? Что от меня вам нужно, сухопутные?! Пришли забрать у меня последнее?

Искра подошла ближе к пруду и зависла в воздухе, расправив свои удивительные крылья из звездных туманностей. Алексей инстинктивно потянулся, чтобы остановить её, но рука

повисла в воздухе. Он только дернулся так, что нога, казалось, снова сломалась в десяти местах сразу.

– Вы ошибаетесь, друг мой, – сказала она тихо. – Я слышу, что Вам очень грустно и... Вы хотите что-то...

Водяной замер. Его очертания вдруг тонко дрогнули, будто кто-то дотронулся до холодной лужи. Он зачарованно смотрел на сияющие звездами крылья Искры и пытался что-то сказать, но слышны были лишь бульканья разной тональности. Пробулькавшись, водяной заговорил снова:

– Вы можете... ЛЕТАТЬ... – выдавил из себя «человек-бассейн». – Как? А второй... Тоже умеет?

Искра отрицательно помотала головой и ответила:

– Я – умею летать. Мой друг – не умеет. Людям летать не положено, но они научились. Но я, друг мой, не человек. Погоди секунду...

Искра резко взмахнула крыльями и быстро поднялась ввысь. И через пару мгновений она прорезала густой туман яркой вспышкой, и теперь в пруду сидели... два водяных. Абсолютно идентичных, но у одного глаза сияли белым, а у второго – ярко-оранжевым.

Алексей чуть сам в воду не полез, его вовремя остановила сущность из воды с оранжевыми глазами. Остановила словом:

– Не нужно. Я сама с ним поговорю.

Водяной с белыми глазами изобразил даже некое подобие улыбки на том месте, где должен был быть рот, и снова заговорил:

– Вы – тоже водяная?

Второй водяной ответил голосом прежней Искры. Только теперь он слышался еще более бархатным:

– Нет, друг мой. Мое имя – Искра. И я – аномалия, только не такая, как ты, я – другая. Я правильно понимаю: ты хочешь летать сам? Как птицы?

Первый водяной чуть не превратился в слабый родник, но, с удивлением обнаружил, что не может этого сделать. Он, как бы, «попрыгал» в воде, после чего произнес:

– Я просто хочу летать, подруга дней моих суровых... Вы меня не поймете. Я просто... я просто уйду...

После этих слов туман стал еще гуще. Однако уйти у водяного тоже не получилось. Искра пошевелила тем, что называлось бы рукой:

– Друг мой, не покидайте нас. Может быть, есть способ научиться летать. Люди – научились. Если захочешь – и тебя научат.

Водяной дух всхлипнул и уставился на Искру:

– А они не тронут пруд? А рыбок моих кто кормить будет? Мне нельзя никуда... Но я хочу... Как ты, подруга дней моих суровых...

Искра отплыла от него чуть ближе к берегу:

– Прошу, друг мой, не зовите меня так. Свое имя я Вам назвала. А рыбки сами справятся. Уверяю. Они сами уверены и отпускают Вас.

– Они и мне так говорят. А их тут повыловят всех...

Искра вздохнула:

– Мы договоримся, чтобы в этом пруду не рыбачили. Пойдемте, друг мой, будем учиться летать...

И Искра исчезла из воды пруда, материализовавшись рядом с Алексеем. Алексей подобрал костыль и свою челюсть. Поэтому не участвовал в разговоре. Вслед за Искрой на берег вылез и сам хозяин пруда. Просто большая капля в форме, которая напоминает человека. Он спросил:

– Мы сейчас полетим, Икра?

Искра округлила глаза, но быстро взяла себя в руки:

– Искра. Мое имя – Искра. Не Икра.

Алексей сдержанно хихикнул. Водяной уставился на него:

– А ты – ее добрый друг и готов ударить каждого своей палкой, кто подойдет к ней?

Алексей сделал «серьезное лицо»:

– Нет. Эта палка нужна мне самому, чтобы ходить. Вы сможете поместить себя в контейнер?

Водяной издал нечленораздельный звук, значение которого так и осталось загадкой. Алексей пожал плечами:

– Тогда идем.

Водяной замер, как замороженный:

– Мы не ПОЛЕТИМ?!

Искра посмотрела на него, как мама на сына-двоечника:

– Летать – научим. Но туда сначала надо добраться. Друг мой, ходить, передвигаться Вы умеете. Пойдемте же, прошу Вас...

Водяной послушно «поплыл» за нашими героями. Вскоре они добрались до машины. Услышав звук которой, водяной обрадовался:

– Эта штука звучит, как самолеты в небе в ясный день! Она ЛЕТАЕТ?

Искра устало улыбнулась и отрицательно покачала головой. Алексей указал водяному на контейнер, и тот уместился в него совершенно спокойно. Контейнер, на поверку, тоже оказался герметичным.

Всю обратную дорогу водяной вел себя как тот ослик из мультфильмов о Шреке. Не затыкался ни на секунду. Основной темой был, конечно, полет. Что, как, что ощущаешь, как долго и чему конкретно надо учиться... Алексей и Искра отвечали по очереди. Сдержанно, только то, что знали сами.

К тому моменту, когда они выгружались уже у самого СКЗ-фонда, водяной был уже в развеселом настроении. Его быстро забрали сотрудники-исследователи, и он успел поговорить с каким-то прыщавым тихим мальчишкой.

Наблюдая за тем, как его транспортируют в лабораторию, Алексей, всё же, решил перекурить. Не мог он успокоить свое бешено колотящееся сердце. Искра, наблюдавшая за транспортировкой водяного, сказала, не глядя на мужчину, будто бы в пустоту:

– А ему просто надо было выговориться... Всем иногда это надо... И нам тоже. Но сначала...

Искра коснулась руки Алексея, что держала костыль. На мгновение, на краткий миг, боль прошла Алексею ногу так, что перед глазами поплыли темные пятна, но тут боль резко стихла, оставив ощущение «иголок», как будто просто отсидел ногу или пережали ее чем-то. Но Искра стояла рядом, сжав руку, которой прикасалась к его руке, в кулак и уперев ее в подбородок, словно эта рука у нее замерзла:

– Сложно... Много трещин... Один перелом удалось убрать, а вот другой – там кость прочная, но она не восстанавливается. И я не могу... Прости меня, Леш...

Леша не выдержал и прижал девушку к себе, зарываясь носом в ее волосы. Его опять душили слезы, но он не позволил себе выпустить их. Он прижимал ее голову к своей груди, шепча в ее макушку, что это не ей надо извиняться, а ему.

Искра всхлипнула и обняла своего командира. Она быстро взяла себя в руки, немного отпрянула от него и, приподнявшись на цыпочки, прикоснулась губами к мочке его уха, произнеся тихо, тем самым голосом, который «подвесил» Руслана и ее брата:

– Прости меня. Мне жаль, что я не могу исцелить тебя полностью... Но я тебя люблю. Держись, Леша...

Леша выпал в химический осадок. «Господи, Искра, знала б ты... Какой из меня командир? Тряпка, ветошь. Размазня...» Алексей смотрел в ее глаза, которые напоминали хвойный лес в сумерках, и не мог ничего сказать.

Искра улыбнулась. Вытерла слезу у себя и медленно побрела ко входу в СКЗ-фонд. Алексея будто ледяной водой окатили. Он вцепился в свой костыль, выкинул сигарету и двинул вслед за ней.

Поймал свою аномальную пассию и просто поцеловал. Долго, нежно, страстно, забив и забыв про весь СКЗ-фонд. Он чувствовал, как она начинает трепетать в его руках, как по ее щекам градом льются слезы, и целовал ее от этого еще сильнее.

Когда они, наконец, закончили, за ними уже бежала пара врачей.

Эх, опять по палатам... А только всё срослось...

Ловим инсайт

Искру и Лешу уже потеряли из виду и из палат врачи, поэтому, стоило нашим главным героям переступить порог СКЗ-фонда, как их «под белы ручки» сопроводили до их мест заключения, то есть, лечения. Да, оговорки по Фрейду, именно, спасибо, мои дорогие читатели, что поправили.

Но Алексей Романов вдруг стал сопротивляться. Он увидел, в какую именно палату утащили Искру, которая мягко, но настойчиво тоже сопротивлялась, и одним махом скинул с себя цепкие руки врачей и медсестры. На их возмущенные возгласы, что это, мол, за поведение, он отреагировал полным игнорированием и просто двинулся в палату своей пассии.

Искру, которую просто втолкнули в палату, уже ждала внутри Виктория Сергеевна.

Вика, увидев нашу с вами плазменно-пламенную аномалию, тут же подбежала к ней и силком усадила на кровать. Искра даже сказать ничего не успела, ее опередила Вика:

– Рассказывайте, как всё прошло? Как себя чувствуете? Голова болит?

Искра, вместо ответа, резко повернула голову в сторону двери, из которой на них ввалился Алексей, тяжело дыша. Он захлопнул эту несчастную дверь и закрыл ее на замок. Потом просто оперся на свой костыль и не смотрел никуда, закрыл глаза и восстанавливал дыхание. Искра, окинув своего командира взглядом, соизволила начать отвечать на ранее заданные вопросы:

– Всё прошло успешно. Водяной нейтрализован, доставлен в стены СКЗ-фонда. Чувствую себя... Странно...

И Искру накрыло. Нет, не одеялом и не очередным всплеском теплых чувств к Алексею, а криком. Только она не смогла его приглушить. На этот раз крик звучал очень громко и дольше, чем обычно. Искра сползла по стенке в опостылевшую кровать и зажмурилась. Она не почувствовала, как ее трясут за плечи два обеспокоенных человека, она не заметила, как с нее стащили форму (верхнюю часть), чтобы прицепить датчики, она не услышала, как снова попытались выгнать из палаты Алексея. Искра не слышала и не видела ничего. Не слышала – справедливо, сквозь такую шумовую завесу мало что можно услышать; а не видела она потому, что отключилась.

Через некоторое время, придя в себя, Искра вновь открыла глаза и услышала над своим ухом ровное сопение. Судя по звуку – явно не Виктории Сергеевны.

Она приподняла голову и увидела, что рядом с изголовьем ее кровати спит прямо на стуле бравый командир, скрестив руки на груди и уронив буйну голову на грудь. Но в палату кто-то аккуратно и тихо пробрался, хоть время и было весьма ночное – это была уже Вика, которая осталась дежурить в ночь.

Виктория Сергеевна подошла к Искре и, посмотрев сначала на мониторы, а потом уже и на саму пациентку, спросила шепотом, стараясь не разбудить Алексея:

– Что случилось? Опять крик этот слышали, товарищ Искра?

Пациентка утвердительно кивнула и произнесла:

– На этот раз он был громче, чем обычно, у меня не получилось его сдержать или приглушить. И очень долго...

От их легкого шепота наш с вами командир, всё же, проснулся и абсолютно нагло, без тени приличий, так, будто бы его покусал сам товарищ Громыко, вклинился в диалог:

– Кого там сдержать надо?

Искра устало улыбнулась и села в кровати, при этом двигаясь очень медленно, так, словно она очень устала или у нее кружилась голова. И продолжила, глядя куда-то сквозь стену:

– Это голос того существа, что нас потрепало там, в НИИ-317... Это существо... Тоже аномальное, но не всегда таким было. Голос, как бы... Основной – женский, молодая женщина,

ей больно и очень страшно. Она просит ей помочь. Но в этом шквале других голосов я не совсем понимаю, что именно произошло... Там целая буря из разных обрывков, как будто бы их насильно соединяли, но что-то пошло не так... Голоса разные... и мужские, и женские, детские. Еще слышу металл... Как старый, плохо работающий механизм... Больно всем... даже механизму. Кто-то куда-то кого-то тащит или раздирает... Голосов больше сотни. Гул разъяренной толпы... Это обрывки сознаний... «Ремкомплекты» – это слово еще слышно, но оно будто со стороны... Разорвана и сшита, но из других частей... Не своих... Холод... Темнота и грязь... Инструменты... Это существо пытались переделать и стерли его, но не до конца... Осталась боль и обрывки чего-то еще, но я не могу разобрать... Локализации нет...

Искра вдруг подняла на испуганную и совершенно ничего не понимающую Вику глаза, полные отчаяния и страха (Искра и страх – это как бульдог и носорог. Две совершенно разных субстанции. Искра может бояться. Но это для нее не свойственно. Кхм... примечание летописца, извините):

– Вика... Она... Раздроблена и болезненна... И очень нестабильна... Это не совсем монстр... Это «сборная солянка» какая-то...

Алексей издал звук, похожий на «пу-пу-пу», и ответил:

– Яркая моя, а давно ты эту всю «симфонию» слушаешь?

Искра перевела прояснившийся взгляд на Алексея:

– С тех пор, как очнулась. Только сейчас было особенно громко и долго...

Вика задумчиво нахмурила брови и отвернулась на несколько секунд. Алексей, тем временем, продолжил:

– Значит, после потасовки... Виктория Сергеевна, в крови Искры нашли что-то необычное, когда мы поступили?

Вика отреагировала моментально, хоть и была погружена в свои мысли:

– Да. Спирит Бризз и товарищ Громыко были чем-то обеспокоены. Но, как мне показалось, это были просто частицы смазочного вещества... На данный момент Искра абсолютно здорова, но еще нестабильна. Возможно... Она просто перенервничала...

Алексей ответил:

– Искра перенервничала – это просто пара сломанных приборов. А тут целый набор данных... Руслан, жучара, ничего мне не сказал... Виктория Сергеевна, а нет информации о том, когда нас выписывают?

Вика отрицательно покачала головой и обратилась к Искре:

– Вы уверены, что это голос того существа? Ваш слух и уровень восприятия могут давать сейчас картину боли в операционных... Здесь проводится много работы. Много кому очень больно... И почти все не просто просят, а умоляют им помочь... Это точно не «голоса» других пациентов?

Искра отвела глаза в сторону, прислушалась и ответила, вернув ясный взгляд на Вику:

– Нет, это голос того существа. Я уверена в этом.

Вика с недоверием оглядела Искру и уперла руку в бок, сделав «презрительное» лицо:

– Докажите.

Искра, мельком глянув на своего командира и улыбнувшись краешком губ, ответила тихо и даже несколько насмешливо:

– В палате прямо напротив – человек, который отравился, вдохнув пары реагентов в лаборатории. Сейчас стабилен. В палате, что справа от нас, сейчас тихо – ибо Алексея там нет, он здесь. Но включен свет, надо бы выключить. В еще одной палате лежит боец с переломом руки, пострадал во время тренировочного боя, рукопашного. Перелом лучезапястного сустава. Сейчас жалуется тумбочке, что ему очень больно. Думает, вызвать ли кого или до утра протянет без обезбола. В другой палате – женщина, уложили ее вчера с подозрением на пищевую токсикоинфекцию, но это банальный токсикоз первого триместра беременности. Девочка, если

не ошибаюсь... Дежурный анестезиолог играет в танки с рабочего компьютера. Недоволен тем, что интернет тупит. Эмоционально возбужден. Ну и...

Искра очень внимательно посмотрела прямо в глаза Вике:

– Вы сейчас пытаетесь уложить озвученную мной информацию у себя в сознании. Но Ваши мысли всё время возвращаются к одному нашему общему знакомому, который любит черничное мороженое и холодный чай с мятой.

Алексей пытался сдержать смех, но это у него плохо получалось. Он то кашлял, то икал, то всё вместе.

Виктория Сергеевна только и смогла из себя выдавить:

– Откуда Вы... ты знаешь... Так заметно?

Искра прищурилась:

– Заметно что именно? То, что ты, сама того не замечая, увлеклась моим братцем? Нет, ты очень хорошо держишься. Просто ты на секунду забыла, что я – тоже аномалия, как и мой брат. И данные о том, что и как я умею, есть в протоколах исследований. Всё хорошо, Вика. Не переживай. Мне удалось доказать, что я слышу именно голос того существа?

Вика стояла, опустив глаза в пол и раздумываясь, словно та самая боярыня с картины известного художника. Она тихо угукнула и поспешила прочь из палаты.

Когда дверь за ней закрылась, Алексей, кое-как успокоившись, хрипло сказал:

– Ты ее по стенке сейчас размазала. А о чем я думаю, скажешь?

Искра улыбнулась и ответила:

– А вот этого я не слышу с тех пор, как к вам тогда вернулась. Свет моей души. И этого не сможет услышать никто, даже Бризз или любое другое существо, которое может читать мысли. Это мой непреднамеренный подарок, который у тебя никто не отнимет, даже ты сам.

Алексей был, мягко говоря, удивлен. Она, которая всегда предвосхищала всё то, что он только намеревался сказать или сделать, теперь его не слышит... Он тихо выдохнул:

– И что это значит?

– Это значит, Леша, что ты – для меня загадка. И это хорошо. Так и должно быть.

Алексей подумал пару секунд и встал, кряхтя, как старый дед:

– Ладно, потом обсудим. Тебе нужно отдохнуть... А мне – в камеру... Постарайся уснуть, Искра. Я пошел...

Искра молча кивнула и проводила его взглядом. Алексей доковылял до своей палаты, разбудив при этом половину отделения, и, дойдя до кровати, просто завалился в нее.

Он прекрасно понимал, что разборки только начинаются. Что Искру и его затаскают на допросы. Но с него – взятки гладки, а вот Искра явно может поставить в тупик всех следователей разом. Что за дрянь напала на них в НИИ, которая, судя по всему, работает на смазке, как велосипед? И почему Искра ее слышит, а его – нет? Почему именно он? Надо бы еще до Руслана и Спирита Бризза докопаться – какого такого хрена лысого они ему ничего не говорили? А Искра сама знает? Судя по всему – тоже в неведении, так же, как и он сам. Голова кругом от ситуации...

Дверь тихо щёлкнула, забирая с собой шум его шагов и скрип костыля. Тишина в палате стала иной – не мирной, а натянутой, как тетива.

Искра откинулась на подушку, закрыв глаза, но не для сна.

Внутри всё ещё оставался гул. Не крик – он замолк, оставив лишь послевкусие боли, обиды, гнева и отчаяния с болью. Искра старательно «воскресила» в памяти этот пронизывающий звук и снова прислушалась к нему. И она услышала обрывки фраз, которые не могла разобрать ранее:

– ... "Ядро" контролируется на 50%... усиление на 60%...

– ... что вы делаете со мной... Ахх... прекратите...

– ... исправьте связь, проверьте соединение немедленно...

– ...где моя мама...

Последняя фраза резанула по ушам и по сердцу. Ребенок, лет 5 от силы... Искра начала злиться, но резкий писк какого-то аппарата заставил ее взять себя в руки.

«Ремкомплекты». Это слово застряло в ее сознании, и было абсолютно не понятно, что это такое и с чем его едят. Искра даже придумать не могла, для чего и какие именно ремкомплекты имелись в виду. Для чего? Какие? Эти штуки – они материальные или это какие-то ментальные «костыли», чтобы это существо в принципе было работоспособно? И что должно было уметь существо, которое тупо «скроили» из обрывков других существ и механизмов? Что за дикость?

Она повернулась на бок, лицом к стене, за которой лежал Алексей. Его не слышно. И слава святому свету Регула и Полярной звезды, что не слышно. Мысли о нём были тихим, тёплым пятном в этом хаосе, который был пропитан чем-то механическим, скрежещущим и запахом горелой плоти с антисептиком.

Искра защитила Алексея от самой себя – так и должно быть. Пусть он будет ее тихим, загадочным и любимым командиром, Алексеем Романовым. Звуков – много. Так пусть Леша будет тишиной в океане из голосов и боли с обидами.

Но от существа из НИИ-317 фиг открестись. Услышит даже глухой, как Искра подумала. Крик его был не просто мыслью. Он был фактом, как костыль у Алексея. Его нельзя было не слышать, можно было только пытаться не сойти с ума.

Искра приоткрыла глаза. В темноте слабо светились контуры её сложенных крыльев, добавляя немного волшебства в больничную палату.

«Сборная солянка», – прошептала она в подушку. Глупая, бытовая метафора для чего-то абсолютно чудовищного. Но другой не находилось. Как назвать то, что собрали? Не создали. Собрали. Из живого и не очень живого. И сами испугались, когда оно им на деле доказало, что оно не просто работает, а «ALIVE!!». Как в кино, точно...

И теперь это «оно» пыталось порвать тонкие настройки «внутреннего монитора» Искры на мелкие клочки. И она была, пожалуй, единственной во всём этом Фонде, кто мог не просто анализировать, а дать расшифровку и ключ к действиям. Пусть и такое, но оно живое. Убить его нельзя...

От этого понимания стало страшно не за себя. Стало страшно за них всех. За Алексея с его прямым взглядом и готовностью биться. За Вику с её стетоскопом и верой в диагнозы. За Бриззу с его кристальной логикой. Они будут смотреть на существо как на проблему. На угрозу. На объект.

А она... она смотрела на них и видела, как они, сами того не зная, готовятся резать по живому. Потому что так положено. Потому что так безопаснее.

Искра закусил губу, пока не почувствовала вкус собственной крови. Острая, щиплющая боль вернула в реальность. В палату. В её тело, которое чувствовало себя удивительно нормально после такого ментального вторжения.

Надо будет самой устроить допрос с пристрастием. Возможно, даже с применением психотронного оружия. Да. Спириту Бриззу и Руслану Громыко. Пусть выкладывают всё, что есть по теме. Но сначала... сначала нужно было уснуть. Хотя бы на час.

Маленькое лирическое отступление. Игра только начинается. Впереди наших героев ждет еще много интересного, это мне известно лучше них самих. Ну, сами посудите, поразмыслите... Расследование будет? Оно не просто будет, а уже что-то там накопили Руслан с Вероникой Алексеевной. Допросы будут? Конечно, комиссию-то выгнали с позором, а в этой комиссии те, кто не особо любят ждать. И как только до них дойдет «инфа сотка» о том, что Алексей Романов не просто пришел в себя, а еще и на задание сходил – к нему придут. И к Искре придут. И они оба это осознают кристально ясно. СКЗ-фонд шутить не любит. СКЗ-фонд, как там Москва, которая никогда не спит. И прямо сейчас, пока Искра пробует уснуть,

а Алексей обдумывает детали того, какие слова он скажет Искре после выписки – идет работа. Девушка, которая была и есть в составе той комиссии, что приходила к Леше, ночует на работе, пытаясь сложить цифру два и «ять», но у нее пока ничего не получается. Получается, но это больше похоже на случайный набор фактов из монолога шизофреника в период обострения. А вот товарищ Добровольский давным-давно дома, и, сделав очередной глоток виски, затягивается очередной сигаретой. Просматривая отчеты Бризза и Руслана. И даже он пока не может понять, что же делать со всем этим цирком с конями на проволоке...

"Японский бог"

Товарищ Гордей почти не вылезала из архива, день за днем штудирова горы различной документации. Так как далеко не все документы были переведены в цифровой формат, приходилось смотреть не только в монитор, но и читать в «аналоговом» формате. Должно было быть хоть что-то, кроме списка пропавших без вести... Кроме пары пожеванных листочков из блокнота... Но никак не желал быть найденным документ или папка с заветным названием «Научно-исследовательский институт проблем евгеники и прикладной биоинженерии». Кроме списка пропавших без вести. А тех, кто дал совпадение по генетическим маркерам, старательно искал на планете Земля, роя соцсети, аки бульдозер, товарищ Громыко.

Вероника Алексеевна уже начала ритмично чихать от бумажной пыли и сухого воздуха архива. Ее гибкие пальцы приняли формы удобных крючковатых захватов для страниц и листов. И теперь она напоминала не главную героиню из компьютерной игры Alice: Madness Returns, а очень суровую библиотечкару, чихающую в ритме метронома на 20 ударов в минуту. Конечно же, чтобы не портить важные документы. Она постоянно была в маске, но это ее почти не спасало.

Громыко Руслан Геннадьевич из здорового «медведя» в помятом лабораторном халате превратился в киберспортсмена-качка, если по внешнему виду. Глаза у него тоже были красными, как и у Вероники Алексеевны, постоянно болели глаза, спина и шея, ибо все мониторы, в которые он смотрел, в лучшем случае находились чуть пониже груди. Просто представьте высокого человека, который очень много работает в сидячем положении, не отрывая взгляда от монитора. Я на опыте, поэтому подскажу: через некоторое время вместо фигуры человека отчетливо становится различим знак вопроса.

Несколько человек Руслану удалось найти, они были вполне социально активны, несмотря на цифры в строчках с указанием возраста. Судя по их страницам в соцсетях: кто во что горазд стал. Кто до денежных должностей дорос, кто из путешествий не вылезает, большинство – в огородах и закрутках меряются, но основной массы не было найдено. Прогресс, видимо, не до всех дошел. Руслан искал даже семьи, родственников – тщетно. Несколько человек, которые в сети бывали с разной частотой – вот и все новости.

У товарища Гордей тоже пока не находилось почти ничего, кроме очень разрозненной и обрывочной информации о планах здания этого НИИ-317. Нашлась инструкция по технике пожарной безопасности на объекте, план эвакуации 3 этажа и пара приказов о назначении премии одному и тому же сотруднику. Премии были выписаны за «перевыполнение плановых показателей» некому Иллюстатову С. Ю. Вероника Алексеевна показала эти приказы Руслану, но...

Руслан проверил все цифровые источники, которые можно было проверить: базы ГИБДД, списки из ТСЖ, ЖЭКов, вузов, ССУЗов, даже школ. Даже нашел списки избирателей за последние 20 лет и данные переписи населения. Глухо, как в танке. Разве что одна и та же фамилия вылезала абсолютно везде: Мордоворов. Мордоворов Максим Максимович. Руслан, конечно же, вцепился в этот фактор, как тузик в грелку. Но на сообщения товарищ не отвечал, а по номеру телефона всегда был рад поболтать автоответчик.

Руслану было обидно. Поэтому, невзирая на активное сопротивление товарища Гордей, он всё же притащил в архив свой легендарный чайник и отпаивал чаем себя и чихающую Веронику Алексеевну. Иногда они отдыхали за разговорами. Говорили, в основном, о работе. Личной жизни почти не было что у Вероники, что у Руслана. Разница была лишь в том, что у Руслана в лаборатории была его «Учкудук» – сотрудница, исследователь, Учкабекова Виктория. И Руслан старательно пытался скрыть, что он увлекся этой маленькой, хрупкой, но проворной и очень лихо соображающей девушкой. Вероника Алексеевна, в свою очередь, тоже не была

«железной леди», ей отчаянно хотелось видеть рядом с собой человека, который хоть на 5% был похож на товарища Громыко. Собственно, а что в нем плохого? Ну, матом разговаривает, ну, громкий, ну, взбалмошный немного... И что? Зато как он уговаривал главного специалиста по персоналу выпить его «фирменного» чаю... красота. Впрочем, нам стоит вернуться к их совместной работе.

Перелистывая страницы очередной папки с бумагами, Вероника Алексеевна чихнула так, что эта самая папка свалилась на пол и листы немного «разбрелись» по полу. Руслан, естественно, помог их собрать, но за те несколько секунд, что он подбирал выпавшие листы, Вероника Алексеевна вдруг стала похожа на мраморную статую с очень широкими глазами. Даже чихать перестала. Она стояла около своего стула и держала в руках желтый, немного помятый лист с напечатанным на печатной машинке текстом и размытыми синими и красными печатями. Остальные листы так и остались лежать на полу. Руслан вздохнул и собрал их в одну кучу. Вытащив наугад один из листков, как карту из колоды, товарищ Громыко пробубнил себе под нос:

– Так... «...ввиду экономической нерентабельности дальнейших исследований и утраты оперативного контроля над экспериментальными образцами»... Чего, бля? Никусь, золотце, это наши что ль так писали во времена СССР? Алё, Вероника Алексеевна, Вы еще тут?

Ответа не последовало. Вместо него Вероника Алексеевна протянула Руслану ту бумажку, которую держала в руках. Руслан, пробежав ее глазами, тоже впал в ступор.

А теперь мне хочется и вас, мои дорогие читатели, познакомить с содержанием этих шокирующих документов.

ПРОЕКТ «КРОТ».

Гриф: Совершенно секретно (Особая папка)Тема: Создание управляемой биоплатформы на антропоморфной основе для работы в подземных коммуникациях и изолированных помещениях.

1. Цель проекта: Обеспечение доступа, поиска и извлечения объектов (включая САО) из недоступных для человека подземных систем: действующая и заброшенная канализация, коллекторы, затопленные сооружения.

2. Тактико-технические требования (ТТТ):

2.1. Базовый образец: Антропоморфный донор. Требуется устойчивая психика. 2.2. Модификации: Биоинтеграция с броневым хитином, развитие анаэробного метаболизма, атрофия зрительных центров с компенсацией эхолокацией и магниторецепцией. 2.3. Проходимость: Способность к проделыванию каналов доступа в плотных грунтах, преодолению завалов. Резистентность к агрессивным химическим и биологическим средам. 2.4. Управление: Постгипнотическое программирование маршрута. Подавление высших когнитивных функций до базовых инстинктов (поиск, захват, возврат). Исключить поведенческие сбои, связанные с остаточной памятью донора. 2.5. Транспортировка: Наличие вместительной полости-контейнера для биологических объектов.

3. Обоснование: Решение проблемы обследования и зачистки опасных подземных объектов с минимальными финансовыми и кадровыми потерями в долгосрочной перспективе.

4. Результаты и примечания:

4.1. Образец К-7 («Крот»): Технические ТТТ выполнены. Проходимость и живучесть – на уровне «отлично». 4.2. Побочный эффект: Полная деградация высшей нервной деятельности до уровня, характеризуемого как «животное состояние». Наблюдаются аффективные всплески неясной этиологии (вокализации, схожие с плачем). В протоколах обозначать как «биоплатформа». Термин «человек» – не использовать. 4.3. Вывод: Образец эффективен как одноразовый инструмент для точечных операций. Проблема неконтролируемого углубления и потери сигнала может быть связана с остаточными инстинктами донора (возможная причина:

поиск укрытия).4.4. Рекомендация: Продолжить отработку методик полного подавления резидуальной памяти для стабилизации поведения. Проект перспективен.

Заключение приемной комиссии: продолжить финансирование проекта с целью устранения погрешностей и доведения проекта до полного соответствия Техническому заданию (Приложение 2).

Руслан вышел из ступора первым и тряхнул головой, потом стал бубнить себе под нос:

– «Крот»... Где-то я уже это видел... Проект «Крот», НИИ-317... А, вспомнил – у снежка они были, бумажки эти жуткие... Надо забрать... Вероника Алексеевна, Вы как?

Товарищ Гордей стояла бледная, как мел, и ее руки дрожали. Она медленно повернула свои остекленевшие глаза к Руслану и еле слышно произнесла:

– Это... Товарищ Громыко, это же... Жутко и невыносимо... Это же незаконно... Что там делали, в этом научно-исследовательском институте проблем евгеники и прикладной биотехнологии?!

И она просто уткнулась в огромную грудь старшего исследователя, дрожа, как осиновый лист. Он погладил ее по голове и по руке, даже приобнял немного, чтобы она перестала трястись. И пока он все это делал, он говорил с Вероникой Алексеевной тихим, успокаивающим голосом:

– Ну-ну, тише, товарищ Гордей... Не бойсь, Ника, прорвемся. Вот откуда пошло это прозвище «Японский бог»... Кто-то когда-то в лохматые годы брякнул, так и прилепилось, но все уверены, что это – легенда, байки, анекдот... А мы с тобой нашли... Документы... И это даже мне не смешно...

Вероника Алексеевна вдруг отпрянула от Руслана и, тихонько шмыгнув носом и привычно чихнув, сказала:

– Прошу меня простить, товарищ Громыко. Мне не стоит так эмоционально реагировать. Благодарю Вас за поддержку... Продолжим?

И они продолжили. Минут через полчаса или даже через час они наткнулись еще на одну папку, с той же дальней полки стеллажа, где сама пыль на бумагах могла рассказать такие истории, от которых волосы встанут дыбом не только на затылке. Им удалось обнаружить еще один интересный документ:

ПРОЕКТ «ЗЕМЛЕРОЙКА».

Гриф: Совершенно секретно (Особая папка)Тема: Разработка мобильного биокомплекса для поиска, поглощения и нейтрализации спонтанных аномальных образований (САО) в условиях урбанизированной и промышленной застройки.

1. Цель проекта:Создание автономной биологической системы для ликвидации угроз, исходящих от САО, в труднодоступных помещениях (подвалы, чердаки, разрушенные строения, вентиляционные шахты) с минимальным риском для операторов.

2. Тактико-технические требования (ТТТ):

2.1. Обнаружение: Чувствительность к спектру аномальных излучений (тепловому, электромагнитному, пси-фону).2.2. Нейтрализация: Способность к физическому поглощению и биохимическому слиянию с САО с целью их полной деструкции.2.3. Локация: Ориентирование в замкнутых лабиринтообразных пространствах. Проходимость через отверстия диаметром от 30 см.2.4. Управление: Стадный инстинкт с централизованным управлением через «Ядро» (биологическая матрица-контроллер). Подавление высших когнитивных функций у репликаторов.2.5. Выживаемость: Устойчивость к механическим повреждениям, регенерация за счёт ассимилированной биомассы.2.6. Катализатор: Использование реактива «Родонит» для стимуляции агрессии и усиления инстинкта поглощения. Концентрация – строго 0.3%.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.